

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2020 Том 3 № 7

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курылев Константин Петрович

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович

кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна

доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна

старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Борисов Николай Александрович, доктор политических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Грачев Михаил Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации" (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада.

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области "Московский государственный областной университет" (МГОУ), Москва, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2020 г., следующий:

№ 8 2020	Номер не тематический	До 1 декабря 2020 г.
----------	-----------------------	----------------------

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117513, Москва, Россия, ул. Академика Бакулева, д. 6

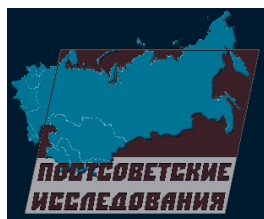
e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2020

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2020 VOLUME 3 No. 7

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor, RUDN
University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD, Assistant Professor RUDN
University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History Professor, KazNU Al-
Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Beibutova Risbybyu Aldzhambaeвна, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Borisov Nikolai Aleksandrovich, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Historical Archive Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Humanitarian University" (RSUH), Moscow, Russian Federation

Grachev Mikhail Nikolaevich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Historical Archive Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Humanitarian University" (RSUH), Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Degterev Denis Andreevich, Doctor in in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

07.00.15 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

23.00.04 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2020 will deal with the following issues:

№ 8 2020	Non-thematic	1 Decembre 2020 г.
----------	--------------	--------------------

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

6 Academic Bakuleva str., 117513, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Фсгсрд Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

КАЗАХСТАН В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Nurdavletova S.M. Analysis of Kazakhstan's experience in the CICA (Нурдавлетова С.М. Анализ опыта Казахстана в СВМДА).....	550
Жанбулатова Р.С. Казахстанско-российское приграничье: новые вызовы и перспективы развития в контексте пандемии	561
Крамаренко М.Б. Коннектный потенциал Казахстана в расширяющемся контуре интеграции Большой	568
Козлов Г.В. Прикладной анализ голосования Республики Казахстан и Соединенных Штатов Америки в Генеральной Ассамблее ООН (1992-2019 гг.).....	576
Чэнь Цзюаньцзюань Сотрудничество КНР со странами Центральной Азии в сфере энергетики на примере Казахстана	586
Милованова Н.А. Концептуальные основы отношений КНР и Республики Казахстан.....	593

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Касенова А.С. Борьба с терроризмом в Центральной Азии	601
--	-----

ПРОБА ПЕРА

Саримсоков З. Тюркский фактор в политике мягкой силы Турции в отношениях со странами Центральной Азии.....	609
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Савин Л.В. Рецензия на книгу Оболевич Т. Семён Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020. 304 с.....	616
---	-----

Contents

THEMATIC DOSSIER:

KAZAKHSTAN IN WORLD POLITICS

- Nurdavletova S.M.** Analysis of Kazakhstan's experience in the CICA550
- Zhanbulatova R.S.** Kazakh-Russian borderland: new challenges and development prospects in the context of a pandemic561
- Kramarenko M.B.** Kazakhstan's connective potential in the expanding integration circuit of Greater Eurasia568
- Kozlov G.V.** Applied analysis of the voting of the Republic of Kazakhstan and the United States of America in the UN General Assembly (1992-2019)576
- Chen Juanjuan** Cooperation of China with Central Asian countries in the energy sphere on the example of Kazakhstan586
- Milovanova N.A.** Concept basis of the China-Kazakhstan relations593

REGIONAL SECURITY

- Kassenova A.S.** Counterterrorism in Central Asia601

FIRST STEPS

- Sarimsokov Z.** The Turkic factor in Turkey's "soft power" in relations with the countries of609

REVIEWS

- Savin L.V.** Book review: Obolevich T. Semen Frank, Lev Karsavin and eurasianists. Moscow: Modest Kolerov, 2020. 304 p.616

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

КАЗАХСТАН В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

ANALYSIS OF KAZAKHSTAN'S EXPERIENCE IN THE CICA

S.M. Nurdavletova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract. This article is devoted to the study of the role of the CICA as one of the priority directions of the foreign policy of the Republic of Kazakhstan. The paper examines “confidence-building measures” and their practical implementation in the activities of the CICA, studies the main forms of interaction between Asian countries in the field of security within the framework of the conference, identifies existing problems and offers practical recommendations to increase the effectiveness of the further development of the CICA. The idea of convening the CICA belongs to the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev and for the first time this initiative was announced at the 47th session of the UN in 1992. It is known that there is an Organization for Security and Cooperation (OSCE) on the European continent, it became necessary to create a similar organization in the Asian region. In this regard, N. Nazarbayev's proposal is a necessary response to global challenges. In the context of the globalization of the modern world, the increasing interdependence of the states of the world, the search for a joint solution to current problems is acquiring great importance. The main goal of the CICA is to strive to create an effective and acceptable structure for ensuring peace and security in Asia. The member states, reaffirming their adherence to the UN Charter, believe that peace and security in Asia can be achieved through dialogue and cooperation, leading to a common inseparable area of security in Asia, where states will coexist peacefully and their peoples live in an atmosphere of peace, freedom and prosperity. Now CICA has a great potential in ensuring security on the Asian continent. For the Republic of Kazakhstan, the development of this project is the most significant since it was initiated and continues to present ideas for the modernization of the CICA activities. Also, the article pays special attention to the analysis of the priorities of Kazakhstan as chairman of the CICA in 2020-2022, in particular the issue of further institutionalization of the meeting, which will expand cooperation between the member states, as well as increase the status of the Forum in the international arena.

Keywords: Kazakhstan, CICA, security, confidence-building measures, development, cooperation, Asian region.

АНАЛИЗ ОПЫТА КАЗАХСТАНА В СВМДА

С.М. Нурдавлетова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию роли СВМДА как одного из приоритетных направлений внешней политики Республики Казахстан. В работе исследуются «меры доверия» и их практическая реализация в деятельности СВМДА, изучаются основные формы взаимодействия азиатских стран в области безопасности в рамках конференции, выявляются существующие проблемы и предлагаются практические рекомендации по увеличению эффективности дальнейшего развития СВМДА. Идея о созыве СВМДА принадлежит Президенту Республики Казахстан Н.А. Назарбаеву и впервые эта инициатива была озвучена на 47-ой сессии ООН 1992 г. Известно, что на европейском континенте существует Организация по безопасности и сотрудничеству (ОБСЕ), настала необходимость создания аналогичной организации в азиатском регионе. В этой связи предложение Н. Назарбаева является необходимым ответом на глобальные вызовы. В условиях глобализации современного мира все большей взаимозависимости государств мира поиск

совместного решения текущих проблем приобретает большое значение. Главная цель СВМДА заключается в стремлении создать эффективную и приемлемую структуру по обеспечению мира и безопасности в Азии. Государства-члены, подтверждая свою приверженность Уставу ООН, считают, что мир и безопасность в Азии могут быть достигнуты через диалог и сотрудничество, ведущие к общей неразделимой области безопасности в Азии, где будут мирно сосуществовать государства, а их народы – жить в атмосфере мира, свободы и процветания. Сейчас у СВМДА большой потенциал в обеспечении безопасности на азиатском континенте. Для Республики Казахстан развитие этого проекта является наиболее значимым, так как он был, инициирован и по сей день продолжает выдвигать идеи по модернизации деятельности СВМДА. Также в статье особое значение уделяется анализу приоритетов Казахстана на посту председателя СВМДА в 2020-2022 гг., в частности вопросу дальнейшей институционализации совещания, что позволит расширить сотрудничество между государствами-членами, а также повысить статус Форума на международной арене.

Ключевые слова. Казахстан, СВМДА, безопасность, меры доверия, развитие, сотрудничество, азиатский регион.

Introduction

Kazakhstan's foreign policy was formulated shortly after Kazakhstan gained its independence on December 16, 1991. The President of Kazakhstan, N. Nazarbayev, indicated that diplomacy's main objective was to create and maintain favorable conditions for steady development of the Kazakhstan based on political and economic reforms. The nature of these reforms determines the nation's foreign policy priorities, impartiality, and a desire to be fully involved in both international and regional events.

The primary goals of Kazakhstan's foreign policy are as follows: protect national interests; provide favorable conditions for political and economic development; develop strategic cooperation with leading countries and regions of the world; improve cooperation with international organizations; strengthen democratic principles within the new world order; contribute to global and regional security and stability while opposing new threats such as terrorism, drug trafficking and organized crime; participate in the processes of regional and global economic integration; promote democracy as well as social and human development; protect the environment and sustain development.

The Government made key decisions and adopted policies regarding: the military, politics, economics, democratic reforms, and a new state governing system.

These decisions were essential in easing Kazakhstan's transition to the world

community and helped create a foreign policy in harmony with the global political trend towards liberalization.

One of the most important decisions Kazakhstan was to become a non-nuclear state and pursue a policy of nonproliferation. Kazakhstan's diplomacy was successful in developing positive relations with more than 140 countries and helping it to become a member of 64 international political and economic organizations. In March 1992, Kazakhstan was accepted into the United Nations Organization and has played an active role. There have been no conflicts or confrontations between Kazakhstan and other countries to date, thus further underscoring the effectiveness of the nation's diplomacy [Laumulin 2008: 14].

When independence was declared after the USSR's collapse, Kazakhstan inherited more than 1400 warheads, numerous delivery systems, and an extensive nuclear infrastructure that included the main Soviet nuclear test facility - The Semipalatinsk nuclear test site. The former Soviet republic was faced with the choice: whether to keep these weapons and claim nuclear power status or to give up those weapons and become a non-nuclear weapon state. As a result, by May 1995, Kazakhstan had disarmed and had signed the Nuclear Non-Proliferation Treaty as a non-nuclear weapon State. Kazakhstan's efforts in the sphere of disarmament and non-proliferation of nuclear weapons should be considered as one of the largest foreign policy initiatives undertaken by

the State. Kazakhstan is the first country that voluntarily renounced nuclear weapons and confirmed its choice of a nuclear weapon free world, desisting from the implementing of the fourth largest nuclear-missile arsenal in the world. All those years Kazakhstan was devoted to the principles of non-proliferation and nowadays the country is a strong and effective leader in the international non-proliferation community.

History of the establishment of the CICA

The idea of convening the CICA was first proposed by N. Nazarbayev, the First President of the Republic of Kazakhstan, on 5 October 1992, at the 47th Session of the United Nations General Assembly¹. The moving spirit behind this initiative was the aspiration to set up an efficient and acceptable structure for ensuring peace and security in Asia. Unlike other regions in the world, Asia did not have such a structure at that time and earlier attempts to create a suitable structure had not been very successful.

The CICA's main purpose is to promote peace, security, and stability in the region by means of cooperation. As CICA includes states that experience deep political problems in their relations (Pakistan and India, Iran, and Israel), the organization avoids discussing certain political issues. However, many international organizations that unite diverse states encounter with the same challenge. Bearing in mind that Asia is a very diverse continent with significant religious, political, and economic differences, relatively modest progress of CICA is natural.

From the very beginning the idea of convocation of CICA has found support of some the Asian states defining a political climate on continent, and the international organizations (the United Nations, OSCE, LAS). Following the results of the given meetings a Special Working Group was established to make preparation for the meeting of the ministers of foreign affairs of the states interested in convening the Conference.

Preparatory process. During the first phase of the evolution of CICA (1992-1994), Kazakhstan organized three meetings of the representatives of foreign ministries of Asian states interested in CICA. The first meeting

with 12 participants was held in April 1993; the second meeting with 28 participants was held in August-September 1993; and the third meeting with 29 participants was held in October 1994. The main achievement of the first phase was an agreement that discords existing in region could not be an obstacle to finding common approaches to the problems concerning security and cooperation among the states².

During the second phase (1995-1999), a Special Working Group was established to make preparation for the meeting of the ministers of foreign affairs of the states interested in convening the Conference. The first meeting of the SWG took place in March 1995. Participating states were represented at the level of Ambassadors, and experts from the Ministries of Foreign Affairs. In the various sessions of the SWG during 1995-1999 drafts of the basic CICA documents such as "The Rule of Procedures", "Declaration on the Principles", "CICA Structure and Institutes" were considered.

Deputy Ministers of Foreign Affairs of 23 Asian countries met in Almaty on February 7-8, 1996 to further elaborate on the basic principles and documents of CICA. The participants agreed that the development of CICA process needed long term joint efforts of all the interested states. On December 3, 1997 the second meeting of the Deputy Foreign Ministers of the interested states was held. Representatives from 27 countries and international organizations took part.

The international colloquium "Asian Security in the Context of Convening CICA", held in Almaty October 21-22, 1998, was an important moment in the development of CICA. The heads of leading scientific and research centers and institutions from 16 countries of Asia, Europe and the USA took part in the colloquium. The main goal of this event was to exchange opinions on all aspects of Asian security with an emphasis on pursuing the idea of creating a regional security system.

In January-February 1999, bilateral consultations were held in the capitals of some of the interested Member States. During these consultations, agreements were reached on the

¹ Kazakhstan: Week by Week // News Bulletin Released by the Embassy of the Republic of Kazakhstan to the State of Israel No 12. – June 20, 2005.

² Katya Fisher Yoffe. Kazakhstan Passes New Internet Law // Official website: www.s-cica.org - July 15, 2005.

rapprochement of positions of the participants concerning several disputed provisions of the Declaration on Principles.

First Ministerial Meeting: The First Meeting of CICA Ministers of Foreign Affairs was held in Almaty on September 14, 1999.

The First Ministerial Meeting laid the foundation of CICA with the signing of the Declaration on Principles Guiding Relations between CICA Member States by the Ministers. The Ministers, while reaffirming commitment to the United Nations Charter, agreed that the Member States will respect each other's sovereign equality; refrain from the threat or use of force; respect the territorial integrity of each other; settle disputes in accordance with the Declaration, UN Charter and international law; refrain from any intervention in the internal affairs of each other; reaffirm their commitment to the goal of achieving general and complete disarmament under effective control; enhance the process of economic, social and cultural cooperation; and respect human rights and fundamental freedoms of all individuals.

First Summit: The First CICA Summit was held in Almaty on June 4, 2002 with participation of the Heads of Government of Afghanistan, Azerbaijan, China, India, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Mongolia, Pakistan, Russia, Tajikistan, Turkey and Uzbekistan; and Special Envoys of the Heads of Government of Egypt, Iran, Israel and Palestine¹. The Summit was also attended by the representatives of the Observer States and Organizations. At this meeting, the Almaty Act and CICA Declaration on Eliminating Terrorism and Promoting Dialogue among Civilizations were adopted. The Within a short span of ten years after initiation of the idea, CICA became a full-fledged functioning forum for dialogue and for seeking mutually acceptable measures for resolving problems and conflicts in the region.

The fledgling forum's main purpose of bringing peace to all, including bringing together seemingly irreconcilable countries and interests, - it unites India and Pakistan, Iran,

Palestine and Israel, among others, - was immediately put to a real life test.

The gathering, taking place amid heightened tensions in South Asia and elsewhere, provided a unique occasion for leaders of India and Pakistan to sit in the same room and to hear each other speak directly for the first time in five months.

Second Ministerial Meeting: The Second Meeting of CICA Ministers of Foreign Affairs was held in Almaty on October 22, 2004. At this meeting, CICA Catalogue of Confidence Building Measures (CBMs), CICA Rules of Procedure and Declaration of CICA Ministerial Meeting were adopted. Thailand was admitted as the seventeenth member of CICA.

CICA Catalogue of Confidence Building Measures became the most important document of the forum after Almaty Act. It was for the first time in the history of the Asian continent that there was such a comprehensive document envisaging multilateral cooperation among states on wide range of issues relating to stability and security. Within the framework of the Catalogue, the Confidence Building Measures were categorized into five basic dimensions, namely, economic; environmental; human; fight against new challenges and threats; and military political. Under each category, specific measures for implementation were listed. The Member States agreed to implement the Confidence Building Measures on gradual and voluntary basis. It was also agreed that any Member State could select certain measures identified in the Catalogue for implementation, where feasible and appropriate.

CICA Rules of Procedure laid down ground rules for decision making, membership, observer status, chairmanship, types of meetings and procedure for conducting meetings. One of the most important aspects of the Rules of Procedure is that decisions and recommendations at all levels are taken by consensus. Consensus is reached in the absence of objection by any Member State at the stage of adoption of decisions and recommendations.

Declaration of the Second Ministerial Meeting included assessment of the situation at that time at the regional and global levels including Afghanistan, Iraq, Middle East, South Caucasus, and Korean peninsula. Member

¹ CICA Istanbul summit marks new age in Asian Security dialog // <http://www.s-cica.org/index.html>

States once again condemned terrorism in all forms and manifestations and reiterated their commitment to fight this menace.

Second Summit: The Second CICA Summit was held in Almaty on June 17, 2006 with participation of the Heads of Government of Afghanistan, Azerbaijan, China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Pakistan, Russia, Tajikistan, Thailand and Uzbekistan and Special Envoys of the Heads of Government of Egypt, India, Iran, Israel, Republic of Korea, Mongolia, Palestine and Turkey. Republic of Korea was admitted as the eighteenth member of CICA¹.

The Second Summit adopted the Statute of CICA Secretariat and Declaration of the Second CICA Summit. With the adoption of the Statute, CICA Secretariat was established with its seat in the Republic of Kazakhstan. Functions of the Secretariat specified in the Statute include: providing support for CICA meetings; maintenance of archive of CICA documents; acting as clearing house for the documents and information provided by the Member States; disseminating information on CICA; disseminating information on the implementation of CBMs among Member State; and performance of other tasks and duties assigned by the decision making bodies of CICA.

The Declaration of the Second CICA Summit reflected the general view of the Member States on key problems of security and cooperation in Asia and in other parts of the world. The Declaration also reiterated the desire of the Member States to continue the efforts to move forward CICA process to achieve its shared objectives; and noted with satisfaction the establishment of CICA Secretariat in the territory of the Republic of Kazakhstan as an important milestone in the evolution of CICA process.

Development of the Confidence Building Measures. At the Senior Officials Committee meeting (SOC), held in 12-14 March 2007 in Bangkok, a document “Cooperative Approach for the implementation of the CICA CBMs” was adopted. Thus, the beginning phase of practical implementation of the CICA Catalogue of confidence building measures and

various projects aimed at strengthening cooperation in a multilateral format and specifying the individual directions of the CICA Catalogue².

22-23 December 2007 in Tehran, the First Specialized Expert Meeting (SEM) in the field of illicit drug trafficking was conducted, and in the period from 31 January to 1 February 2008 in Ankara was held CICA Experts Meeting on the Implementation of Confidence Building Measures in the Area of New Challenges and Threats. At these meetings, the project of the Concept papers in the above-mentioned fields were elaborated. 6-7 May 2008 in Almaty, a regular meeting of the CICA Special Working Group (SWG) was held. Participants of the meeting discussed such issues as the implementation of the CICA Catalogue of CBMs, establishment of the CICA Secretariat and preparations for the 3rd Meeting of CICA Foreign Ministers.

The most of these meetings were held in 2008, for example, June 11, 2008 in Seoul, a regular meeting of the CICA Senior Officials Committee (SOC); September 27-28, 2008 in Dushanbe SEM for discussing the project of the Concept paper on the Cooperation among the CICA Member States in the field of tourism was held.

26-29 October 2008 in Tel-Aviv was the CICA seminar on advanced agriculture was held, in which experts exchanged views and national experiences on common challenges, innovative technologies and effective methods of agriculture.

Ministry of Culture and Information of Kazakhstan, as the coordinating body for the implementation of the CICA CBMs in human dimension, is implementing the Concept paper and the Action Plan for 2008-2009 in this dimension, under which, in 2008 on the territory of Kazakhstan two international conferences were held.

The other Member-States as the coordinators of individual CBMs in economic, environmental dimensions, as well as new challenges and threats, developed the concept papers in their respective areas: the Republic of Korea - in the field of energy security,

¹ OSCE-CICA Forum can become a permanent dialogue platform // http://www.cicaistanbul.org/pages/about_cica_page.html

² Kazakhstan hands over CICA presidency to Turkey, 08 June 2010 // http://www.worldbulletin.net/news_detail.php?id=59663

Tajikistan - in the field of tourism, Iran - in Combating Illicit Drug Production and Trafficking and Precursors, Russia - in the area of development of small and medium enterprises, Turkey - Action Plan for the implementation of CBMs in the field of new challenges and threats.

Third Ministerial Meeting: The Third Meeting of CICA Ministers of Foreign Affairs was held in Almaty on August 25, 2008, was attended by delegations of 19 Member States, 7 observer countries and 6 international and regional organizations. Just prior to the Ministerial Meeting Hashemite Kingdom of Jordan and United Arab Emirate were formally admitted to CICA taking the membership to twenty. The State of Qatar was conferred the status of observer.

The Conclusions and Declaration of the Ministerial Meeting, titled CICA Progress in Implementation of CBMs were adopted at the Meeting. The Ministers also adopted the Protocol Amending the Statute of the Secretariat of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia which provides for shifting of CICA Secretariat from Almaty to Astana.

The President of the Republic of Kazakhstan as the current CICA Chairman, welcoming the beginning of the implementation of confidence measures in the human, economic and environmental dimensions as well as in combating new challenges and threats, suggested to begin the practical work on developing and strengthening cooperation in the politico-military dimension, which in perspective should be one of the main directions of the CICA Catalogue of CBMs.

Further Development of the Confidence Building Measures. SOC Meeting on 20 February 2009 in New Delhi: Special working group (SWG) of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA) held its regular meeting in New Delhi, India on 18-19 February 2009, followed by meeting of Senior Officials Committee (SOC) under the chairmanship of N.Yermekbayev, Deputy Minister of Foreign Affairs of Kazakhstan on 20 February 2009.

One of main issues on the agenda was consideration of implementation of Confidence Building Measures (CBMs). Kazakhstan and

Turkey briefed the Member States about the proposed course of action for implementation of action plans in the areas of human dimension and new challenges and threats. Other coordinating countries informed about the course of action for adoption of concept papers and action plans for implementation of CBMs in the areas of development of secure and effective systems of transport corridors; illicit drug trafficking; information technology; energy security; and small and medium enterprise.

Mongolia confirmed its intention to act as the coordinating country for CBMs in environmental dimension.

It is known that the Kazakhstan's mandate of the CICA Chairman expires in 2010. In this regard, at the Third Meeting of CICA Ministers of Foreign Affairs on August 25, 2008 the First President of Kazakhstan N.Nazarbayev proposed to elect for this post one of the most active participants of the CICA - Republic of Turkey. This initiative was launched in view of the high-level relations between the two fraternal countries and considering the vast experience of the Turkish side in various international and regional associations.

In January 2009, following internal procedures, Ankara has expressed agreement with the proposal of Kazakhstan, which was announced in a message of President of the Republic of Turkey A. Gül addressed to the First President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev, as the CICA Chairman.

At SOC Meeting, held in New Delhi, Republic of Turkey announced its candidacy for Chairmanship of CICA in 2010-2012, which was agreed with all Member States. In accordance with the CICA Rules of Procedure, the next 3rd Summit of Heads of States and Governments of the CICA Member States will be held in 2010 in Turkey.

If earlier in the CICA framework annually was hold only 2-3 specialized activities, in this year is planned to hold several different meetings, seminars and forums, in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Azerbaijan, Republic of Korea, Turkey, Iran and Israel. Thus, the current year becomes the «breakthrough» in the context of the further development of the Conference.

Kazakhstan was assigned to prepare the Chairman's Draft Perception Paper on Confidence Building measures in Military-Political Dimension. Later, that basis will be elaborated document titled «The Cooperative Approach», which reflect shall the common position of all the Member States.

In the economic dimension the Concept paper on Cooperation among CICA Member States in tourism, prepared by Tajikistan was approved.

Kazakhstan as coordinator of the project for the implementation of CBMs in the human dimension distributed plan of activities for 2009 in the framework of the CICA Action Plan on CBMs in the humanitarian sphere.

Mongolia was adopted as the coordinator of the environmental dimension, and Turkey, as coordinating country in the field of new challenges and threats, announced its intention to hold in 2009 the meeting of police chiefs of the member countries.

The participants also discussed common issues of CICA activities. At the meeting, the CICA Calendar of Events for 2009-2010 was adopted and analysis titled «The study of the CICA development» was approved¹.

On June 9, 2009 in Moscow the SEM for the implementation of CICA Catalogue of CBMs in the field of promoting business opportunities and information exchange in Development of Small and Medium Enterprises. During the meeting, the draft Concept paper and Action plan for the 2009-2010 were discussed.

On June 23-24, 2009, the regular Meeting of the CICA Special Working Group (SWG) took place in Almaty. During the meeting, Member States considered the issues of realization of the CICA Catalogue of CBMs in the environmental, economic, and military-political dimensions, the general issues related to CICA, as well as Issues related to CICA Secretariat.

In addition, the SWG accepted the request of the Kingdom of Saudi Arabia for observer status at CICA and submitted it for approval by SOC.

The Kingdom of Thailand, in its capacity as the ARF Chairman, expressed its willingness to share its views and experiences on implementation of CBMs in military-political and economic dimensions with the CICA Chairman.

Thus, the participants take practical steps for implementation of the decisions of the Second Summit (2006) and the Third Ministerial Meeting (2008), as well as to prepare for the Third Summit, which was held in 2010.

The third CICA Summit was held in Istanbul on June 8, 2010. The summit took place to welcome new members Iraq and Vietnam, who became a permanent member from its observer status.

The third CICA summit took place outside Kazakhstan, with the chairmanship baton being passed to Turkey for the next two years. Such a development seems to be logical: Ankara plays an active role in establishing new security strategies on a regional level and consistently supported Kazakhstan's efforts in turning CICA in an effective platform.

The peculiarity of the meeting was given by the chairmanship of the Republic of Kazakhstan in the OSCE at that time. On June 7, 2010, under the auspices of the European organization, a special event was held in Istanbul: "Cooperation in the field of economy and security in the XXI century in the Eurasian space". It was attended by the heads of the OSCE foreign ministries, the countries of the OSCE Asian Partners Group and the CICA member states. The event was very useful from the point of view of the development of interaction within the OSCE-CICA.

As a result of the negotiations, at the end of the Summit, a Declaration was adopted, in which, along with regional issues (the Middle East, Afghanistan, Iraq), it was possible to reflect topical issues in the field of peace, security and stability, socio-economic development and culture. The provision on the need to resume negotiations on the creation of a Palestinian state, included in the document, was a significant achievement of the Summit.

Thus, the Third CICA Summit made a significant contribution to further strengthening the international authority of Kazakhstan.

¹ Habibe Ozdal. "The Fifth International Asian Congress Was Held in Istanbul". Turkish Weekly. - 9 June 2010.

In general, Kazakhstan highly appreciated the third CICA Summit results. In the joint declaration issued at the end of the third CICA summit the member states committed to disarmament, non-proliferation, efforts to establish Nuclear-Weapons-Free zones, combating and eradicating the illicit trade and trafficking of small arms and light weapons (SALW), tackling catastrophes caused by climate change, economic co-operation and cultural exchanges promotion.

The fourth ministerial meeting of the CICA took place on September 12, 2012 in Astana, which was dedicated to the 20th anniversary of the initiative to convene the Meeting. The heads of the foreign affairs agencies of the CICA member states exchanged views on regional and global issues, discussed ways to further strengthen cooperation, peace and security in Asia, as well as prospects for the further development of the CICA process.

Following the results of the Jubilee Session and the 4th Ministerial Meeting of the CICA, a Declaration was adopted, in which, along with regional issues, it was possible to reflect topical issues in the field of peace, security, stability and socio-economic development of the region. The declaration was intended to give new impetus to the efforts of the Conference to strengthen peace and security in Asia.

The First President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev, in his speech at the Jubilee session, for the first time proposed in the future to transform the CICA into an organization [Isagaliev 2016: 14].

The fourth CICA Summit was held on May 20-21, 2014 in Shanghai, during which the chairmanship of the CICA was transferred from Turkey to China. The Summit was attended by 47 states and international organizations. For the first time, the UN Secretary General took part in the Summit, Qatar and Bangladesh joined the ranks of the Meeting as full members, a number of important documents were signed and approved, namely the Memorandum of Understanding between the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the CICA Secretariat and the new CICA Rules of Procedure, significantly concretizing the legal framework of its activities.

As a result of the Summit, the political Declaration “Strengthening dialogue, trust and

coordination for the sake of a new Asia, peace, stability and cooperation” was adopted. The goals and objectives set out in the Declaration give a clear understanding that the Chinese chairmanship in the CICA will be aimed at strengthening political and socio-economic security measures in Asia, increasing trust and mutual respect through building its new architecture¹.

In his speech at the Summit, N. Nazarbayev came up with an initiative to create an Organization for Security and Development of Asia (OSDA) based on the CICA.

The Fifth Ministerial Meeting of the CICA was held on April 28, 2016 in Beijing, in which the heads and representatives of the foreign affairs agencies of 26 member states, 8 observer countries and a number of international organizations (UN, OSCE, LAS, OIC etc.).

For the first time, a ministerial meeting of the CICA was chaired by the PRC. Speaking at the opening of the meeting, President of China Xi Jinping stressed the importance of further strengthening regional cooperation to ensure common, indivisible, comprehensive and sustainable security, including through the mechanisms and institutions of the CICA.

The head of the People's Republic of China also proposed to develop new approaches of equal, mutually beneficial and peaceful cooperation, taking into account the peculiarities of the Asian region, to expand the dialogue of civilizations, and to resolve differences in Asia exclusively by peaceful means through consultations in accordance with international law.

In general, the meeting participants exchanged views on key issues of the global agenda, joint measures to ensure regional security, counter new challenges and threats, etc. Particular attention was paid to the prospects for building up practical cooperation within the CICA, further implementation of the achieved confidence-building measures in all five dimensions, including on the issues of improving the activities of the Forum.

¹ Официальный сайт Президента Республики Казахстан // URL: http://www.akorda.kz/ru/national_projects/soveshchanie-po-vzaimodeistviyu-i-meram-doveriya-v-azii_1340726104.

As a result of the Ministerial Meeting, a political Declaration “Promoting Peace, Security, Stability and Sustainable Development in Asia through Dialogue” was adopted.

The fifth CICA summit was held on June 15, 2019 in Dushanbe. The Summit was attended by member states, states and international observer organizations, as well as one organization partner of the CICA.

The leaders attending the Summit expressed their views on such pressing issues as security in Asia and measures to promote dialogue, trust and coordination of the CICA, regional cooperation, environmental issues and further development of the region.

The summit adopted a declaration “A common vision for a secure and more prosperous CICA region”. The Declaration reflected the position and views of the CICA members on such important issues of security and cooperation in Asia as terrorism, disarmament, drug trafficking, organized transnational crime, food and energy security, human rights, information and communication technologies, the environment, as well as the situation in Afghanistan and the Middle East. The declaration also noted the personal role of the First President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev, as the Founder of the CICA and his significant contribution to building the capacity of the CICA.

In the declaration, the member states reiterated their commitment to advancing the CICA process and reaffirmed the importance of implementing the agreed confidence building measures in all dimensions.

Priorities of Kazakhstan’s chairmanship in the CICA

In September 2020, Kazakhstan was elected as the State Chairman of the CICA. As chairman, the Republic of Kazakhstan will continue to work on the institutionalization of the meeting, which will improve the status of the organization in the international arena. In addition, Kazakhstan will promote the initiative of the President of the Republic of Kazakhstan K. Tokayev to transform the forum of analytical centers of the alliance member states into a permanent expert platform.

The main task of the Forum was to create favorable conditions for the discussion of

topical issues and problems in the field of security between the states of Asia through an open and constructive dialogue based on principles of international law and the unacceptability of politics from a position of strength, differences in economic development, racial, ethnic and religious affiliation.

For 28 years of its existence, the Forum has become a dialogue a platform for a frank exchange of views on problematic issues of international politics, helped to strengthen mutual understanding between them.

An increase in the number of CICA members to 27 states, along with eight countries and five organizations with observers, is a confirmation of the relevance and the demand for this platform.

At the same time, today’s realities require the development of new priorities and more effective mechanisms of cooperation between the CICA member states.

Kazakhstan, building on the positive experience of previous chairpersons - Turkey, China and Tajikistan, plans intensify work on further advancement of the CICA process. Kazakhstan’s chairmanship will be carried out at principles of openness, impartiality and in accordance with the norms of international law.

In the context of globalization, the world is becoming more interconnected and interdependent. As a result, today’s challenges are becoming universal.

The system of strategic stability and control over nuclear weapons is being dismantled, accompanied by an arms race and the development of new systems and types of weapons. Terrorism, extremism and drug trafficking are becoming more and more transnational in nature, mastering modern technologies and new spheres of influence.

Changes in the global economic architecture. Trade, investment and technological protectionism is replacing multilateral cooperation within the framework of global platforms. The effectiveness of the WTO is decreasing, the attractiveness of regional and bilateral alliances is increasing.

On the example of the spread of coronavirus infection Covid-19 has made it clear that the outbreak of epidemic diseases and pandemics around the world could pose an extreme biological threat not only to human

survival, but also to national, regional and global economies and security. Problems of providing food, energy, water and environmental security. The scale of illegal and uncontrolled migration is growing.

In these conditions, only active collective interaction and an open dialogue of civilizations can determine the right decisions that ensure stability and sustainable development of all states.

The theme of the chairmanship of Kazakhstan will be: "Partnership for security and development in Asia".

Kazakhstan's chairmanship will focus special attention on the implementation of the Catalog of Confidence Building Measures, which is a fundamental tool for promoting the goals and objectives of the CICA. Also, Kazakhstan, as Chairman, plans to continue strengthening dialogue with international and regional organizations and forums.

It is necessary to note, that at the 62nd session of the UN General Assembly, CICA received observer status at the UN. In order to develop ties with other organizations, CICA signed Memorandums of Understanding with the International Organization for Migration (IOM), the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), the Economic Cooperation Organization (ECO) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO).

Kazakhstan plans to devote the development of a three-level and multidimensional dialogue within the framework of the "Three D" initiative launched by the First President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev in 2019¹.

In the coming biennium, the development of the concept of a new global architecture of relations between world powers, regional entities and organizations, which is so necessary in today's geopolitical reality, will continue. At the same time, attention will be focused on the Eurasian subcontinent, where the CICA and the OSCE could closely cooperate to agree on their mandates and goals.

In addition to cooperation with the UN, it is important for CICA to develop cooperation with organizations such as the Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organization, Organization of Islamic Cooperation, Association of Southeast Asian Nations, Regional Cooperation Association in South Asia, the League of Arab States etc.

Cooperation with these international structures will contribute to the further expansion of joint efforts to strengthen security and sustainable development in Eurasia. And further institutional development of the CICA requires careful reflection and discussion by all member states, considering the existing global and regional challenges and threats.

As the President of the Republic of Kazakhstan K. Tokayev notes, "Today the CICA is an authoritative multilateral structure uniting 35 states of the Asian region and about half of the population of our planet. We call on all friends and partners to join forces to increase the efficiency and international competitiveness of the Forum. For this we need its step-by-step, gradual transformation into a full-fledged regional organization. For the institutional formation of the CICA, all the necessary conditions have been created, a legal base has been developed, its permanent structures are working"².

Conclusion

At the beginning of March 2020, an important event took place for the foreign policy of the Republic of Kazakhstan - President K. Tokayev signed the Concept of Foreign Policy of Kazakhstan for 2020-2030. The main principles of the implementation of Kazakhstan's foreign policy include the continuity of the foreign policy course of the First President N.A. Nazarbayev at the new stage of the country's development. This means the continuation of the Asian vector of Kazakhstan's foreign policy in a direction whose importance is growing day by day.

Understanding the Asian vector at the current difficult stage in the development of Kazakhstan's foreign policy is impossible

¹ Концепция председательства Республики Казахстан в Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в 2020-2022 гг. // <http://www.s-cica.org/docs/1601285055The%20Conception%20rus.pdf>

² СВМДА // https://kazembassy.ru/rus/sotrudnichestvo/mnogostoronnee_sotrudnichestvo/svmda/

without understanding the place and role of Kazakhstan in Asia, participation in Asian and Eurasian structures and organizations such as the CICA, SCO, EAEU, BRI, OIC, etc.

Thus, over more than two decades, the CICA, thanks to its constructive role in strengthening the architecture of regional security, has proven its relevance and viability. From a geographical and geopolitical point of view, Central Asia occupies a central position in the implementation of almost all major continental projects of a strategic, transport and economic nature. That is, the further fate of the CICA will depend on the will, efforts and influence of great and average players and international organizations - Russia, China, India, Iran, Turkey, Kazakhstan, etc.

Considering the forthcoming chairmanship of Kazakhstan in the CICA, a restart of the Meeting will be necessary soon. The transformation of the CICA into the Organization for Security and Development of Asia, proposed by Kazakhstan, means an expansion of the format of the Conference and a turn towards solving new problems. For this, by analogy with the OSCE, it is necessary not only to expand cooperation in all five

dimensions, but, first of all, to significantly intensify activities in the military-political field. Currently, the urgent task of the CICA is the transition to qualitatively new levels of cooperation - preventive diplomacy and conflict prevention.

Kazakhstan, as an initiator country, should intensify discussion of this issue between the CICA participants. This task should become one of the priorities of Kazakhstani foreign policy. Consistent advancement of the Kazakhstani initiative to transform the CICA is important for ensuring peace and security throughout the Eurasian space. Its implementation can contribute, at the first stage, to the synchronization of the processes of ensuring security in Asia and Europe, and subsequently to the creation of a unified Eurasian security system.

The high dynamics and instability of the geopolitical situation in Asia requires Kazakhstan to multi-level work with its partners within the CICA, other international organizations and regional associations in the interests of forming a common Eurasian security system.

References

- Fisher Yoffe K.* Kazakhstan Passes New Internet Law // Official website: www.s-cica.org. July 15, 2005.
- Habibe O.* "The Fifth International Asian Congress Was Held in Istanbul". Turkish Weekly. 9 June 2010.
- Isagaliyev K.I.* Kazakhstan – iniciator sozyva SVMDA // Vestnik KazNPU, Seriya MO. 2016. S. 14-18.
- Laumulin M.* New Emphasis in Foreign Policy of Kazakhstan // Kazakhstan News Bulletin. Special Issue, No 12. August 27, 2008. P.14.

About the author: Nurdavletova S. M. – Cand. of Science (History), Associate Professor at Department of International Relations, L.N. Gumilyov Eurasian national university (e-mail: saniyanm83@mail.ru).

Библиографический список

- Fisher Yoffe K.* Kazakhstan Passes New Internet Law // Official website: www.s-cica.org. July 15, 2005.
- Habibe O.* "The Fifth International Asian Congress Was Held in Istanbul". Turkish Weekly. 9 June 2010.
- Исагалиев К.И.* Казахстан – инициатор созыва СВМДА // Вестник КазНПУ, Серия МО. 2016. С. 14-18.
- Laumulin M.* New Emphasis in Foreign Policy of Kazakhstan // Kazakhstan News Bulletin. Special Issue, No 12. August 27, 2008. P. 14.

Сведения об авторе: Нурдаuletова Сания Морьяковна – кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (e-mail: saniyanm83@mail.ru).

КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ

Р.С. Жанбулатова

Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. В данной статье автор делает попытку рассмотреть риски и возможности приграничного сотрудничества между Казахстаном и Россией в условиях кризиса, связанного с глобальной пандемией. Выявив для тесного сотрудничества в приграничье, обусловленный рядом предпосылок, и, прежде всего, характером межгосударственных отношений, а также партнерством стран в структурах евразийской интеграции, автор останавливается на дезинтеграционных факторах, усилившихся в контексте пандемии. Представляя возможные варианты развития ситуации в приграничье, автор подытоживает, что под влиянием глобальных вызовов в посткризисные времена трансграничные практики нуждаются в совершенствовании, в апробации новых моделей сотрудничества.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, приграничные регионы, Республика Казахстан, Российская Федерация, ЕАЭС, интеграция, пандемия, КОВИД-19.

KAZAKH-RUSSIAN BORDERLAND: NEW CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC

R.S. Zhanbulatova

Eurasian National University named after L.N. Gumilyov,
Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract. In this article, the author attempts to consider the risks and opportunities of cross-border cooperation between Kazakhstan and Russia in the context of the crisis associated with the global pandemic. Having identified the potential for close cooperation in the border area, due to a number of prerequisites, and, first of all, the nature of interstate relations, as well as the partnership of countries in the structures of Eurasian integration, the author dwells on disintegration factors that have intensified in the context of the pandemic. Presenting possible scenarios for the development of the situation in the borderlands, the author sums up that under the influence of global challenges in post-crisis times, cross-border practices need to be improved, to test new models of cooperation.

Keywords: cross-border cooperation, border regions, the Republic of Kazakhstan, the Russian Federation, the EAEU, integration, pandemic, COVID-19.

Представляется очевидным, что в 2020 г. за очень короткое время границы стали как никогда актуальными в политической деятельности, и в повседневной жизни людей, поскольку в глобализированном мире пандемию не останавливают границы государств. Контекст пандемии показывает границы во множестве их проявлений: как линии разделения или как пространства взаимодействия, в качестве точек геополитической напряженности или, напротив, координирующих узлов.

В то же время, пандемия представляет собой подходящий момент, чтобы понять роль национальных границ. Мы находимся в исключительном контексте, но эта ситуация представляет собой новое поле для

исследований. Этот контекст подталкивает нас к переосмыслению способов организации деятельности по обе стороны границы, определению состояния трансграничных отношений и эффективности пограничной политики наших стран. Как мы можем преодолеть границы, чтобы обеспечить непрерывность экономического взаимодействия в трансграничном контексте в период кризиса? Наконец, какие уроки можно извлечь из этой ситуации для развития приграничного сотрудничества? Попытаемся выявить риски и возможности сотрудничества сопредельных казахстанских и российских регионов и сходя из сегодняшних реалий.

Во многих регионах мира кризис, связанный с КОВИД-19, заставил национальные правительства ввести меры по ограничению распространения вируса и, прежде всего, закрыть границы. В марте текущего года были закрыты и границы между Казахстаном и Россией.

Эта чрезвычайная мера нанесла ущерб трансграничным потокам и социальному взаимодействию. Пострадала, в первую очередь, индустрия путешествий и туризма, но особенно чувствительно была задета приграничная торговля. Снизилась трудовая активность, связанная с туристической отраслью и торговлей, гостинично-ресторанным бизнесом, возникли транспортно-логистические проблемы. Между тем, именно эти сферы были достаточно успешными сферами взаимодействия сопредельных регионов.

Стоит подчеркнуть, в целом, Россия и Казахстан обладают благоприятным потенциалом для развития приграничного сотрудничества. Для казахстанско-российского приграничья всегда была характерна богатая социально-экономическая ткань взаимоотношений, так как страны тесно взаимодействуют по всем ключевым направлениям экономики. Такому тесному сотрудничеству РК и РФ благоприятствует, прежде всего, направленность на это политической воли руководства стран.

Именно характер межгосударственных отношений РК и РФ оказывает значительное влияние на приграничное сотрудничество. Углубление связей сопредельных территорий свидетельствует о прямой корреляции их состояния с глубиной межстрановых отношений в целом. На казахстанском уровне значимость партнерства связывается, согласно Концепции внешней политики РК на 2020-2030 гг., с дальнейшим развитием союзнических отношений с Россией¹.

Кроме того, характер приграничных связей обусловлен и темпами развития евразийской интеграции. Однако, в

свою очередь, практику трансграничного сотрудничества между странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) можно считать своеобразной «теплицей», на основе которой развивается более углубленное сотрудничество партнеров по ЕАЭС. То, что приграничное сотрудничество является «окном возможностей» и способно дать дополнительный интеграционный эффект подтверждается включением межрегионального и приграничного сотрудничества в число основных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 г. И, как полагают эксперты ЕАЭС, «уровень регионального сотрудничества является показателем актуальности и результативности мер наднационального регулирования»².

Очевидно, стоит учитывать, что географические, демографические, политико- административные и социально - экономические аспекты развития приграничных территорий стран (к примеру, инфраструктура, эффективность региональной экономики, состояние рынка труда и т.д.) могут варьироваться и влиять на развитие связей [Водичев 2018:9].

В данном разрезе, на наш взгляд, сравнительными преимуществами России и Казахстана в контексте экономического взаимодействия их приграничных территорий, является наличие богатых запасов природных ресурсов. В частности, приграничные Атырауская, Западно-Казахстанская, Актюбинская области РК добывают значительную часть нефти и газа, составляющих основу казахстанского экспорта. Необходимость улучшения условий и увеличения объемов транспортировки углеводородов и расширения номенклатуры переработки энергоресурсов ориентирует на развитие приграничного сотрудничества с сопредельными регионами РФ.

В связи с этим, важны также взаимодополняемость экономик стран, развитый производственный потенциал, транспортно-географические преимущества.

¹ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/documents/details/75728?lang=ru>

² Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года // URL: <file:///C:/Users/Acer/Desktop/Аналитическое%20издание%20ЕАЭС%20ОНЭР%20до%202030%20г..pdf>

Исходя из этого, активный и масштабный характер носит взаимодействие Казахстана и России в отраслях топливно-энергетического комплекса. Позитивным примером взаимодействия в приграничье является ряд трансграничных схем сотрудничества. К примеру, поставки казахстанского минерального сырья на горно-металлургические предприятия Южного Урала в обмен на конечную продукцию (так работает Весенне-Аралчинское месторождение медных руд). Либо поставки Казахстаном углеводородного сырья на перерабатывающие предприятия Самары, Оренбургской области и Башкирии под встречные поступления нефтепродуктов и газа (в частности, переработка природного газа Актюбинской области на Оренбургском газохимическом комплексе).

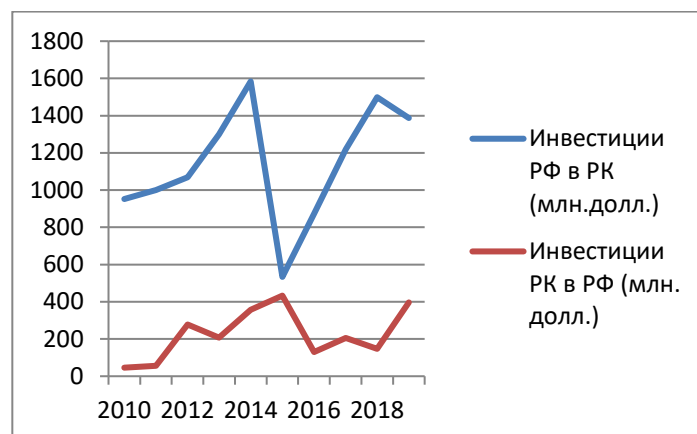
В итоге, о результатах такого взаимодействия России и Казахстана свидетельствует внешнеторговый оборот приграничных регионов РК: 48 млрд 354 млн долларов за 2019 год, что составляет практически половину всего внешнеторгового оборота РК, который равен 96, 6 млрд долл.¹

Но, соглашаясь с утверждением экспертов, что «фактически межрегиональное и приграничное сотрудничество между Казахстаном и Россией образует серьезную экономическую составляющую ЕАЭС»², укажем наряд имеющихся проблем.

Так, ЕАЭС работает уже 5 лет с его общим рынком товаров и теоретически вопросов по свободному движению товаров, в том числе между приграничными регионами, не должно быть. Однако, одна из особенностей ЕАЭС – это разница в масштабах экономик стран-членов, которая накладывает отпечаток на характер взаимоотношений между государствами в целом. Экономическая дифференциация

заметна, в частности, на примере несбалансированности взаимных инвестиционных связей РК и РФ и их внешнеторгового оборота (См. рис 1 и таблицы 1, 2).

Рис 1. Взаимные инвестиции РК и РФ (2010 -2019 гг.)

Источник: составлено автором по материалам Национального Банка РК и Центрального банка РФ.

Таблица 1. Доля Казахстана во внешнеторговом обороте России³

Доля Казахстана во внешнеторговом обороте России (%)		Доля Казахстана в экспорте России (%)		Доля Казахстана в импорте России (%)	
2019г.	2,018	2019г.	2,018	2019г.	2,018
	г.		г.		г.
2,9	2,6	3,3	2,9	2,28	2,22

Таблица 2. Доля России во внешнеторговом обороте Казахстана⁴

Доля России во внешнеторговом обороте	Доля России в экспорте Казахстана (%)	Доля России в импорте Казахстана (%)

¹ Статистика платежного баланса // URL: <https://www.nationalbank.kz/?docid=343&switch=russian>

² Евразийская интеграция // URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2016-09-12--prigranichnoe-sotrudnichestvo-kazahstana-i-rossii-idut-investicii-skupajutsja-rubli-25650>

³ Составлено автором по материалам Национального Банка РК, Центрального банка РФ, Государственного комитета по статистике РФ.

⁴ Составлено автором по материалам Национального Банка РК, Центрального банка РФ, Государственного комитета по статистике РФ.

Казахстана (%)					
2019г.	2018г.	2019г.	2018г.	2019г.	2018г.
20,5	19,5	9,7	8,6	3,67	3,93

На межрегиональные связи, особенно между приграничными регионами, подобная асимметричность оказывает значительно более сильное влияние [Морачевская, Зиновьев 2017: 55-58] и эта разница в экономическом потенциале казахстанского и российского приграничья является фактором дезинтеграционного характера.

Пандемия усугубила этот проблемный дисбаланс, увеличив в некоторых сферах зависимость Казахстана от России. Реалии сегодняшнего дня указывают на зависимость западных регионов Казахстана от России в вопросах добычи, транспортировки и переработки продукции нефтегазового комплекса. С этим фактором связана и следующая особенность экономического взаимодействия приграничных регионов России и Казахстана – невысокий уровень его диверсификации и достаточно узкая отраслевая специализация. Тем не менее, рост российских инвестиций можно наблюдать (См. рис. 1) и вкладываются российские инвесторы не только в ТЭК, но и в транспорт, логистику, агропромышленный комплекс и другие сферы. Причем казахстанская сторона проявляет большую заинтересованность в сотрудничестве, что обусловлено тем, что для ряда приграничных областей Казахстана российский рынок является основным.

В целом проблемы приграничных регионов обеих стран достаточно схожи:

- высокая доля занятости в добывающей промышленности и сельском хозяйстве

- недостаток инвестиций в основной капитал для модернизации экономик и развития новых производств

- зависимость экономики, связанной с топливно-энергетическим комплексом, от конъюнктуры на мировых энергетических рынках

В условиях пандемии важно, чтобы государства приняли достаточные меры для

восстановления обрывшихся экономических связей.

Проблемными представляются различия в праве государств, включая несогласованность либо отсутствие конкретных законодательных актов, связанных с приграничным сотрудничеством [Жанбулатова 2018: 60].

В частности, в РФ специальный закон «Об основах приграничного сотрудничества» был принят в 2017 г. В Казахстане же до сих пор отсутствует подобный закон, что, на наш взгляд, препятствует реализации своих преимуществ приграничными регионами республики. Согласно мировой практике для обеспечения эффективности трансграничных проектов нужна, как минимум, правовая координация, а в лучшем случае, общая правовая база.

Усугубляют сложности сотрудничества в приграничье нехватка структур взаимодействия на местном уровне, слабость полномочий региональных властей. В целом международные связи в приграничных регионах регулируются в РК на республиканском и в РФ на федеральном уровнях.

Немаловажным фактором является, на наш взгляд, и недостаточность информации в регионах о возможностях сотрудничества, что вновь указывает на незначительную активность, если говорить конкретнее, и низкую инициативность региональных администраций. Нет должной информационно-консультационной поддержки субъектам приграничного сотрудничества со стороны органов региональной власти и местного самоуправления.

В период пандемии несогласованность национальных мер, связанных с границей, привела к сложностям в информировании и коммуникациях с обществом.

Между тем, своевременный обмен информацией, совместная аналитическая и просветительская работа региональных и муниципальных властей сопредельных районов была бы полезной для субъектов сотрудничества.

«Экономического каркаса» явно недостаточно для развития трансграничного сотрудничества. В кризисные же времена

приграничное сотрудничество регионов нуждается в большей солидарности партнеров.

знаком солидарности между приграничными регионами стали гуманитарные акции, к примеру, общественных организаций Саратовской области, передававших приграничным регионам Западно-Казахстанской области и других регионов РК гуманитарные грузы в целях борьбы с пандемией¹.

Подобные акции свидетельствуют, что меры контроля, предпринимаемые в интересах борьбы с КОВИД -19 не должны ставить под угрозу экономику регионов, приводить к нарушениям цепочек поставок товаров, необходимых для удовлетворения социальных потребностей, особенно предметов первой необходимости, таких как медицинское оборудование, лекарства, продукты питания и т.д.

Подытоживая анализ слабых сторон развития приграничья, можно констатировать, что отношения регионов Казахстана и России развиваются согласно традиционной модели приграничного сотрудничества, что означает нацеленность экономических отношений приграничных регионов лишь на обслуживание внешнеэкономических связей своих стран и приграничную торговлю.

Между тем, используя более скоординированные действия, необходимо переходить к более эффективным моделям приграничного сотрудничества.

Предоставление преференций приграничным регионам, расширение прав и компетенций региональных властей в осуществлении приграничных связей, создание свободных экономических зон, зон экспортного производства, усиление государственного субсидирования межрегиональных партнерских проектов могут положительно сказаться на качественном росте эффективности

сотрудничества субъектов Казахстана и России. Это способствовало бы сокращению «серой» экономики, активизации конкуренции, минимизировало бы нелегальную трансграничную торговлю товарами и защитило потребителей от контрафактной продукции.

В период турбулентности, связанный с пандемией, более востребованными становятся активные и целенаправленные встречи бизнес-сообщества приграничных стран. Традиционным пространством для встреч служит ежегодный Форум межрегионального сотрудничества Россия - Казахстан, но желателен более частый и менее бюрократичный формат взаимодействия бизнес-групп, к примеру, на онлайн-площадках.

На межправительственном уровне, как одна из возможностей для развития приграничья, рассматривается кластерный подход. Так, в ноябре 2019 г. в рамках XVI Форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана на базе Омского нефтеперерабатывающего завода и Павлодарского нефтехимического завода² было заключено соглашение о сотрудничестве, которое предусматривало обмен опытом в области повышения глубины переработки энергоресурсов и энергоэффективности производственных процессов³.

Это сотрудничество в качестве «первой ласточки» может привести к созданию нефтехимического кластера. Выделяется заинтересованность казахстанской стороны в более тесном сотрудничестве по формированию совместных платформ для разработки эффективных технологий, так как Павлодарский нефтехимический завод работает на российском сырье.

На наш взгляд, в ближайшей перспективе существует возможность формирования транспортно-логистических трансграничных кластеров. Во-первых, их создание

¹ Прочность союзничества проверяется в период пандемии // URL: https://web.facebook.com/groups/evrazia.povolzhye/?multi_permalink=2900944670007087

² Башкирия и Павлодарская область Казахстана будут сотрудничать в сфере нефтепереработки // URL: <https://neftegaz.ru/news/partnership/205608-bashkiriya-i-pavlodarskaya-oblast-kazahstana-budut-sotrudnichat-v-sfere-neftepererabotki/>

³ Омский НПЗ «ГАЗПРОМНЕФТИ» будет сотрудничать с НПЗ Казахстана // URL: <https://onpz.gazprom-neft.ru/press-center/news/54281/>

облегчается безвизовым пересечением границ в рамках ЕАЭС. Во-вторых, подобный кластер вписывается в логистические цепочки в формате транспортных коридоров Западный Китай – Западная Европа и Россия - Центральная Азия. В-третьих, учитывая физическое закрытие границ, этот негативный тренд можно ослабить активизацией проектов по цифровизации логистических схем, которые могут осуществляться командами сопредельных стран в онлайн – формате. Инвестирование в инфраструктурные проекты способно дать мультипликативный эффект как для региональных экономик, так и для национальных экономик в целом.

Очевидно, что посткризисная стратегия роста сотрудничества в приграничье должна принимать во внимание влияние глобальных вызовов, в частности, таких пандемия, сбой мировой экономической системы,

трансформации мировой и региональной геополитических ситуаций.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что трансграничные практики очень волатильны и могут быстро меняться в зависимости от международной обстановки, к примеру, в случае глобальных пандемий. И именно сейчас, то, в чем мы нуждаемся больше чем когда-либо, - это совместные усилия, особенно через границы. С нашей точки зрения, существует настоятельная необходимость использовать потенциал приграничного сотрудничества в развитии стран. Тем более, что партнерство между РК и РФ создает благоприятные предпосылки для активизации местных взаимодействий. Очень важно, чтобы сопредельные государства поддерживали местных и региональных игроков в их трансграничных подходах и адаптировали национальную политику в своих областях компетенции.

Библиографический список

- Artemov I.* Transcordon statistics as a tool for managing regional development // *Geopolitics of Ukraine: history and modernity.* Uzhgorod. 2013. P. 107-118.
- Virtanen P.* Euregios in changing Europe: Euregio Karelia and Euroregion Pomerania as examples // *Cross-Border Governance in the European Union.* Edited by Olivier Kramsch and Barbara Hooper. Taylor & Francis, 2004. P. 121-135.
- Zhanbulatova R., Zhienbaev M., Dyusembekova M., Nurtazina R.* The energy vector of Kazakhstan - Russian relations in the context of global changes on the world energy market // *Central Asia and the Caucasus, 2020.- Volume 23.- Issue 2. - P. 121-130.*
- Tashtemkhanova R., Zhanbulatova R., Zhienbaev M.* Kazakhstan in the World Integration Processes. Paris. Editions du JIPTO. 2019. 217 p.
- Водичев Е.Г.* Российско-казахстанское приграничье: возможности институциональных трансформаций и перспективы формирования трансграничных регионов // *Известия АО РГО.* 2018. № 1 (48). С.6-16.
- Жанбулатова Р.С.* Возможности и перспективы развития казахстанско-российского приграничного сотрудничества // *Современные евразийские исследования.* 2018. № 3. С. 88-96.
- Жанбулатова Р.С.* Опыт ЕС в сфере трансграничного взаимодействия и возможности структурирования приграничья в Центральной Азии // *Материалы международного «круглого стола» «Центральная Азия в новейших геополитических реалиях: новые подходы к изучению».* 9 апреля 2020 г. Нур-Султан: «Мастер ПО», 2020. С. 118-124.
- Морачевская К.А., Зиновьев А.С.* Эффекты образования таможенного союза для регионов российско-белорусского и российско-казахстанского приграничья // *Географический вестник. Geographical bulletin.* 2017. №4(43). С.50–59.
- Притчин С.А.* Приграничное сотрудничество России и Казахстана: положение и перспективы // *Двусторонние политические и экономические отношения Казахстана и России: материалы VII научно-практической конференции КИСИ — ИМЭМО (г. Москва, 29 ноября 2013 г.) / Под общ. ред. Б.К. Султанова.* Алматы: 2013. С.114-120.
- Шланеко Е.А.* Модели приграничного сотрудничества регионов России // *Общество. Среда. Развитие.* 2018. №1. С.20-24.

Сведения об авторе: Жанбулатова Райхан Сайлаубековна, магистр социальных наук, докторант кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. (e-mail: zhanbularova_rs@mail.ru).

References

- Vodichev E.G.* Russian - Kazakh borderlands: opportunities for institutional transformations and prospects for the formation of transboundary regions // *Izvestiya AO RGO*. 2018. No. 1 (48). S.6-16.
- Zhanbulatova R.S.* Opportunities and prospects for the development of Kazakh-Russian cross-border cooperation // *Modern Eurasian Studies*. 2018.No. 3.P. 88-96.
- Zhanbulatova R.S.* The EU experience in the field of cross-border interaction and the possibility of structuring borderlands in Central Asia // *Materials of the international "round table" "Central Asia in the latest geopolitical realities: new approaches to the study."* April 9, 2020 - Nur-Sultan: "Master of software", 2020. S. 118-124.
- Morachevskaya K.A., Zinoviev A.S.* Effects of the formation of a customs union for the regions of the Russian-Belarusian and Russian-Kazakh borderlands // *Geographical Bulletin. Geographical bulletin*. 2017. No. 4 (43). Pp. 50-59.
- Pritchins S.A.* Cross-border cooperation between Russia and Kazakhstan: situation and prospects // *Bilateral political and economic relations between Kazakhstan and Russia: materials of the VII scientific-practical conference KISS - IMEMO (Moscow, November 29, 2013) / Ed. ed. B.K. Sultanov. Almaty: 2013.S. 114-120.*
- Shlapenko E.A.* Models of cross-border cooperation of Russian regions // *Society. Wednesday. Development*. 2018. No. 1. S.20-24.

About the author: Zhanbulatova Raikhan Sailaubekovna, Master of Social Sciences, doctoral student of the Department of Political Science, Eurasian National University named after L.N. Gumilyov. (e-mail: zhanbularova_rs@mail.ru).

КОННЕКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАЗАХСТАНА В РАСШИРЯЮЩЕМСЯ КОНТУРЕ ИНТЕГРАЦИИ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

М.Б. Крамаренко

Информационно-аналитический центр «Институт Евразийской политики»

Аннотация. Современная система международных отношений претерпевает изменения. Одним из вероятных сценариев ее развития является формирование «мульти-порядка», в котором взаимодействие в основном будет осуществляться между блоками государств, а не отдельными державами. Это тенденция находит свое выражение в реализации различных интеграционных проектов на территории постсоветского пространства, что приводит к появлению новых барьеров и линий конфронтации. Во избежание развития конфликтных тенденций президентом России Владимиром Путиным был предложен проект большого Евразийского партнерства, который призван гармонизировать соприкосновение или наложение друг на друга интеграционных инициатив различных центров силы. Практическая реализация российской инициативы открывает возможности для Казахстана проявить свой коннектный потенциал. Основными направлениями работы Казахстана, как государства-коннектора, могут стать: позиционирование региона Центральной Азии как составного элемента большого Евразийского партнерства при развитии торгово-экономических связей со странами АСЕАН, а также содействие гармоничному подключению Европейского союза к большому Евразийскому партнерству.

Такая реализация коннектового потенциала Казахстана будет способствовать обеспечению безопасности, мира и атмосферы сотрудничества на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: большое Евразийское партнерство, коннектный потенциал, государство-коннектор, постсоветское пространство, Казахстан, Россия, ЕАЭС, АСЕАН, ЕС.

KAZAKHSTAN'S CONNECTIVE POTENTIAL IN THE EXPANDING INTEGRATION CIRCUIT OF GREATER EURASIA

M.B. Kramarenko

Information and analytical center «Institute of Eurasian policy»

Abstract. The modern system of international relations is undergoing changes. One of the likely scenarios for its development is the formation of a "multi-order", in which interaction will mainly be carried out between blocks of States, rather than individual powers. This trend is reflected in the implementation of various integration projects on the territory of the former Soviet Union, which leads to the emergence of new barriers and lines of confrontation. In order to avoid the development of conflict tendencies, Russian President Vladimir Putin proposed the project of the greater Eurasian partnership, which is designed to harmonize the contact or overlap of integration initiatives of various centers of power. The practical implementation of the Russian initiative opens opportunities for Kazakhstan to show its connective potential. The main directions of Kazakhstan's work as a connector state can be: positioning the Central Asian region as an integral element of the greater Eurasian partnership in the development of trade and economic relations with the ASEAN countries, as well as promoting the harmonious integration of the European Union into the greater Eurasian partnership.

Such implementation of Kazakhstan's connective potential will contribute to ensuring security, peace and an atmosphere of cooperation in the post-Soviet space.

Keywords: greater Eurasian partnership, connective potential, connector-state, post-Soviet space, Kazakhstan, Russia, EAEU, ASEAN, EU.

Как бы кому-то не хотелось преодолеть но именно взаимодействие между блоками
блоковое мышление времен холодной войны,

государств, а не отдельными державами¹, является одной из наиболее вероятных перспектив изменения системы международных отношений. На наших глазах, ближайшее будущее глобальной политики оформляется в соответствии именно с этим трендом. Уже сейчас мы наблюдаем, как мир движется к «мульти-порядку», в котором основное взаимодействие будет осуществляться между «порядками», а не суверенными государствами [Flockhart, 2016].

Эта тенденция находит свое выражение в активизации интереса к политико-экономическому пространству Большой Евразии со стороны различных центров силы: как государств, претендующих на статус мировой сверхдержавы, таких как США, КНР, Россия, так и со стороны сформировавшихся региональных международных объединений, таких, к примеру, как ЕС, АСЕАН [Шамишев 2019: 138]. Этот интерес, естественно, проецируется на постсоветское пространство, являющееся неотъемлемой частью Евразии.

Так, еще в период администрации президента Б. Обамы, продвигавшей свои военно-политические интересы в Афганистане, США предложили стратегию формирования транспортно-логистической сети «Новый шелковый путь» [Морозов 2016: 70], включавшую в себя страны Центральной Азии, Россию и ЕС.

В свою очередь Россия, формируя вокруг себя пояс безопасности, инициировала создание военно-политического союза – Организацию Договора Коллективной Безопасности (ОДКБ), как формат противодействия негативным последствиям, возникшим в результате распада СССР [Гонтарь 2013: 125]. А ряд государств постсоветского пространства совместно с РФ приступили также к реализации идеи создания Евразийского экономического союза, синхронизируя тем самым военно-политическую интеграцию с экономической.

¹ Пайкин З. Новая парадигма для Большой Евразии. 15.05.2019// РСМД| Вместе в глобальный мир [сайт] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-paradigma-dlya-bolshoy-evrazii/> (дата обращения: 02.11.2020).

В 2013 г. руководство КНР представило миру свое стратегическое видение развития транспортно-логистической инфраструктуры части государств Евразии. Этот проект получил название «Инициатива Пояса и Пути». Основная его цель – укрепление духовных и физических связей внутри Азии, и подключению к этому Африки и Европы [Песцов 2018: 9].

ЕС тоже пытается выстроить отношения с региональными объединениями государств постсоветского пространства, такими как ГУАМ или с наметившимся проектом интеграции пяти стран Центральной Азии.

АСЕАН наряду с другими объединениями ведет работу по развитию торгово-экономических связей с отдельными странами постсоветского пространства [Зеленова 2016: 63].

Обилие различных форматов интеграции для постсоветского пространства, продвигаемые конкулирующими между собой центрами силы, способно в итоге фрагментировать Большую Евразию, создав еще больше барьеров для сотрудничества и новых линий конфронтации [Скриба 2016: 74], чем сейчас. В связи с чем, можно говорить о феномене «конкуренции регионализмов», то есть «конкуренции концепций и повесток региональной интеграции» [Новиков 2018: 85], который может вылиться в военное противостояние на континенте.

С целью предотвратить такой негативный сценарий развития постсоветского пространства, в 2016 г. В. Путин предложил концепцию большого Евразийского партнерства, смысл которого заключается в выработке унифицированных принципов взаимодействия различных межгосударственных объединений, действующих на территории Большой Евразии, или держав, планирующих здесь реализовать свои глобальные проекты инфраструктурного развития. В ходе работы Петербургского международного экономического форума в 2016 г. президент России в своем выступлении предложил создать широкий интеграционный контур:

«Предлагаем подумать о создании большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения, - Китай, Индия, Пакистан, Иран и, конечно, имею в виду наших партнеров по СНГ, и других заинтересованных государств и объединений»¹.

В своей статье на сайте Российского совета по международным делам Андрей Кортунюв, рассуждая о принципах большого Евразийского партнерства, указывает на основную задачу этого широкого интеграционного контура: ««Партнерство» не рассматривается как потенциальный конкурент региональным интеграционным структурам (АСЕАН, ЕАЭС, РВЭП), трансграничным экономическим проектам (ЭПП) или организациям (ШОС, АТЭС, АСЕМ). Напротив, все эти структуры, проекты и организации рассматриваются как готовые детали и отдельные узлы для будущего единого евразийского экономического механизма. Задача «Партнерства» — собрать эти детали и узлы воедино, не в ущерб тому, что уже сегодня уже продемонстрировало свою эффективность»².

В. Путин, по сути, предложил смоделировать на территории Евразийского континента тот самый «мульти-порядок», которым должна стать в итоге вся мировая система международных отношений. Большое Евразийское партнерство в итоге должно гармонизировать «наложение» различных интеграционных проектов в регионе, избежав при этом их конфликтного противопоставления.

Аналогичную идею сборки Большой Евразии с упором на возрождение Великого Шелкового пути высказал первый президент Республики Казахстан Н. Назарбаев на 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «Важным для стран Евразии является возрождение экономики Великого шелкового пути на современном уровне. Это принесет благо многим странам <...> Настало время сплотиться вокруг идеи Большой Евразии, которая объединит в единый интеграционный проект XXI в. Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути и Европейский союз»³.

Казахстан заинтересован в строительстве Большой Евразии. Это даст ему возможность извлекать из своего географического положения экономическую выгоду за транзит грузов через свою территорию и, соответственно, привлекать инвестиции с целью дальнейшего развития транспортно-логистической сети внутри страны и сопутствующей ей инфраструктуры. Уже сейчас, в ходе реализации первого этапа программы «Нұрлы жол», «сформирован новый инфраструктурный каркас транспортной системы, обеспечена интеграция страны в глобальные транспортные коридоры, восстановлен исторический статус Казахстана как связующего звена между Азией и Европой»⁴.

Но кроме статуса участника строительства Большой Евразии перед Казахстаном открывается перспектива стать государством-коннектором, одним из связующих звеньев «интеграции интеграций» на континенте. Казахстан обладает соответствующим коннективным потенциалом,

¹ Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. 17.06. 2016// Информационное агентство ТАСС [сайт] URL: <https://tass.ru/ekonomika/3376295> (дата обращения: 02.11.2020).

² Кортунюв А. Восемь принципов Большого евразийского партнерства. 25.09.2020 // РСМД| Вместе в глобальный мир [сайт] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (дата обращения: 02.11.2020).

³ Осипов В. Еаэс: новая геоэкономическая реальность 15.10.2015// Газета «Казахстанская правда». [сайт] URL: <https://kazpravda.kz/fresh/view/eaes-novaya-geoeconomicheskaya-realnost1/> (дата обращения: 02.11.2020).

⁴ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1.09.2020 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g (дата обращения: 02.11.2020).

под которым автор понимает не только развитость элементов транспортных коридоров [Ван Чаолин 2019: 96] и степень транзитной выгоды географического положения страны, но также и объем наработанных внешнеполитических инструментов (участие в дву- и/или многосторонних договорах; реализация инициатив международного значения; участие в межгосударственных структурах и интеграционных проектах), позволяющих обеспечивать взаимодействие между различными субъектами международных отношений. Такая возможность позволит республике выполнить одну из основных задач, поставленных перед собой в новой Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы: «Казахстану необходимо закрепить статус... ключевого элемента системы геополитических и геоэкономических координат Евразийского континента, лидирующего государства в регионе Центральной Азии»¹.

Так, претворение в жизнь идеи большого Евразийского партнерства с установлением единых правил игры на континенте позволит Казахстану реализовать свои коннективные возможности между регионом Центральной Азии, страны которого пытаются сейчас повторно возобновить интеграционные процессы, и АСЕАН. Как известно, Ассоциация стран Юго-восточной Азии в настоящий момент является центром «глобального производства и торговли, а с недавнего времени еще и небывалого роста потребительского спроса»².

АСЕАН является одним из крупнейших межправительственных объединений:

¹ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы. 9.03.2020 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 02.11.2020).

² Юго-Восточная Азия: семь фактов, которые необходимо знать. №36 (август '14) // Forbes Kazakhstan United Media Group [сайт] URL: https://forbes.kz/finances/markets/yugo-vostochnaya-aziya-sem-faktov-kotoryie-neobhodimo_zn_at (дата обращения: 02.11.2020).

численность населения в настоящее время составляет 649,07 млн человек, общий ВВП – 2,99 трлн долларов, внешнеторговый оборот в 2,8 трлн долларов³. Регион является одним из крупных мировых экспортеров. Во всемирном масштабе его доля экспорта равна 7 %. Предполагается, что к 2050 г. страны АСЕАН совокупно станут четвертой по величине экономикой в мире⁴. Рост экономики будет обеспечен в том числе увеличением товарного предложения на европейском, российском и центральноазиатском рынке, благодаря подключению Ассоциации стран Юго-восточной Азии к континентальному транспортно-логистическому проекту Китая «Один пояс, один путь», который должен связать Европу с Азией от Лиссабона до Сингапура.

Инициатива Пекина, несомненно, охватывает территорию стран Центральной Азии, которая станет ядром этого проекта [Зуенко 2018: 126]. При этом, «в Центральной Азии ключевая роль отводится Казахстану, поскольку страна имеет более развитую экономику и инфраструктуру, транспортно-логистический хаб «Хоргос» на границе с Китаем, международную автомагистраль «Западный Китай – Западная Европа», а также морской порт в Актау. Очевидно, что Казахстан обладает наиболее подготовленной инфраструктурой для увязки торговых маршрутов Азии и Европы через Центральную Азию»⁵.

Кроме выгодного географического положения, более развитой транспортной инфраструктуры у Казахстана с АСЕАН есть

³ Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) 26.06.2020 // Сетевое издание РИА Новости [сайт] URL: <https://ria.ru/20200626/1573475681.html> (дата обращения: 02.11.2020).

⁴ Ефимова Л.М. Юго-Восточная Азия — динамичный регион 30.01.17 // МГИМО Университет МИД России [сайт] URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/yugo-vostochnaya-aziya-dinamichnyy-region/> (дата обращения: 02.11.2020).

⁵ Сулеймен У. Центральная Азия и АСЕАН: свяжет ли их Инициатива «Пояса и Пути» 12.06.2018 // Деловой журнал Exclusive [сайт] URL: <http://www.exclusive.kz/expertiza/politika/114132/> (дата обращения: 02.11.2020).

определенные внешнеполитические наработки, позволяющие, в том числе, позиционировать всю Центральную Азию, способствуя выработке общих принципов и стандартов взаимодействия между этим двумя частями Азии.

Республика активно взаимодействует с Ассоциацией стран Юго-восточной Азии на таких международных площадках как ASEM, Диалог сотрудничества в Азии и СВДМА. Являясь инициатором создания площадки Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, республика лоббирует подписание Меморандума о взаимопонимании между СВДМА и АСЕАН [Зеленева, Концова 2015: 119].

Кроме этого, коннектность Казахстана в развитии сотрудничества Центральной Азии с АСЕАН может быть усилена соответствующей работой в ШОС и ЕАЭС, на площадках которых *будет* происходить формирование правил игры в большом Евразийском партнерстве. Так, следует учитывать, что основная цель проекта «Один пояс, один путь», который свяжет, в том числе, страны Юго-восточной Азии с центрально-азиатским регионом, - наращивание экспорта Китая и обеспечение экспансии китайских ТНК [Абрамов, Абрамова 2018: 135].

Поэтому, чтобы использование инициативы «Одного пояса, одного пути» на территории стран Центральной Азии происходило не только в интересах Пекина, Казахстану уместно использовать площадку ШОС, где все решения принимаются консенсусом. Это позволит сохранить баланс интересов Китая со странами Центральной Азии при развитии сотрудничества с АСЕАН.

ШОС была создана как площадка для скоординированного осуществления национальных стратегий развития и многосторонних интеграционных проектов, и в настоящее время является одной из базовых международных организаций, с опорой на которую совместно с ЕАЭС, будет реализовываться идея большого Евразийского партнерства [Степанов, Соколовская 2018: 50]. Соответственно, Казахстан через эту

площадку может позиционировать всю Центральную Азию – как отдельный интеграционный проект со своими принципами, целями и задачами, в то же время готовый стать органичной частью Большой Евразии.

Являясь же членом ЕАЭС, Казахстан получает возможность использовать информацию, получаемую в результате устанавливающегося диалога между ЕЭК и АСЕАН «по вопросам упрощения процедур торговли, технического регулирования, развития цифровой экономики, санитарных и фитосанитарных мер и других аспектов взаимодействия»¹, для адаптированного внедрения этих стандартов в интеграционные процессы Центральной Азии. Возможен и обратный процесс, при выработке общих правил взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН, которые лягут в основу нормативной базы большого Евразийского партнерства, у Казахстана существует возможность лоббировать интересы всего центральноазиатского региона. Аналогичные возможности открыты перед Казахстаном как страной – участником ЕАЭС, при сопряжении этого интеграционного проекта с китайским поясом и путем. При выработке унифицированных правил взаимодействия этих двух проектов интеграции Казахстан может продвигать общие интересы стран Центральной Азии, позиционируя этот регион как ключевой транзитный элемент большого Евразийского партнерства.

У Казахстана также сложился широкий набор внешнеполитических инструментов для реализации своих коннектных способностей на европейском направлении. В 2008 г. правительство республики приняло программу «Путь в Европу», направленную на развитие сотрудничества со странами ЕС. У республики уже есть опыт председательства в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе

¹ ЕАЭС и АСЕАН намерены расширять сотрудничество 10.12.2019// Евразийская экономическая комиссия [сайт] URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-12-2019-2.aspx> (дата обращения: 02.11.2020).

(ОБСЕ). Казахстан с ЕС реализовал соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве, действовавшее с 2015 по 2020 год. С 1 марта 2020 г. вступило в силу новое аналогичное соглашение, регулирующее отношения в таких сферах, как торговля, инвестиции, инновации и развитие инфраструктуры. Казахстан также является основным партнером стран ЕС на двусторонних треках [Михайленко, Рустами 2019: 98].

Европейский Союз в целом проявляет заинтересованность в развитии углубленного сотрудничества с центральноазиатским регионом из-за китайского пояса и пути. Брюссель, имеющий с Пекином взаимный торгово-экономический интерес, поддерживает реализацию этого континентального интеграционного проекта, в котором страны Центральной Азии, и в первую очередь Казахстан, как отмечалось выше, будут играть ключевую роль сухопутного транзитного элемента. Соответственно, такое положение Казахстана будет способствовать коннекции ЕС и ЕАЭС, сосуществование которых в Центральной Азии пока не привело к «их гармонизации, а в ряде случаев породило в регионе новые разделительные линии» [Мальшева 2019: 103].

Хотя в настоящее время представители дипломатических и деловых кругов Евросоюза заинтересованы в развитии диалога с Евразийским экономическим союзом. По крайней мере, такой вывод сделал министр по экономике и финансовой политике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Т. Жаксылыков по итогам прошедшего в 2019 г. в Брюсселе форума «Лиссабон – Владивосток»¹. Стимулировать такое взаимодействие двух интеграционных проектов Казахстан может, опираясь на новое расширенное соглашение с ЕС.

Фактически, становясь государством-коннектором, имеющим потенциал для «связывания» в единый интеграционный мегапроект различные региональные объединения и проекты, Казахстан получает возможность укрепить свою лидерскую позицию на ближнем интеграционном контуре в Центральной Азии, и позиционировать интеграционный центрально-азиатский проект на различных межрегиональных площадках, как важный компонент Большой Евразии. Это будет способствовать обеспечению безопасности, мира и атмосферы сотрудничества на постсоветском пространстве. Кроме этого, республика получает возможность оказывать влияние на принятие решений в реализации идеи большого Евразийского партнерства, став одним из основных стержней континентального «мульти-порядка».

¹ Яникеева И. ЕС и ЕАЭС: возможно ли общее будущее? 07.11.2019// МИД РФ, Редакция журнала «Международная жизнь» [сайт] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24410> (дата обращения: 02.11.2020).

Библиографический список

- Абрамов В.Л., Абрамова О.Д.* Экономические интересы России и ЕАЭС в интеграционном взаимодействии с ключевыми странами АТР при формировании Большого евразийского партнерства // PolitBook. 2018. №3. С. 131-142.
- Ван Чаолин.* Экономические коридоры в Южной Азии и инициатива «Один пояс, один путь» в 2000–2010-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. №445. С. 96-101.
- Гонтарь С.М.* Система коллективной безопасности РФ в формате ОДКБ и предпосылки ее создания // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. №2 С. 125-129.
- Зеленева И.В.* Перспективы интеграции больших пространств - АСЕАН и ЕАЭС // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2016. №1 С. 57-67.
- Зеленева И.В., Концова Е.А.* Асеан и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества // Управленческое консультирование, №. 11 (83), 2015, С. 112-123.
- Зуенко И.Ю.* Один «Пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане (2014 — 2017) // Россия и АТР. 2018. №1 (99). 118-132.
- Мальшева Д.Б.* Политическое взаимодействие центральноазиатских участников ЕАЭС и европейского союза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №2. С. 98-116.
- Михайленко В.И., Сухроб Рустами.* На пути к новой стратегии Европейского Союза для Центральной Азии // История и современное мировоззрение. 2019. №3. С. 95-102
- Морозов Ю.В.* Стратегические проекты Китая, России и Соединенных Штатов для Евразии // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. №11-3. 68-73.
- Новиков Д.П.* (2018) Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 82–96 (на русском и английском языках). С. 82-96
- Песцов С.К.* Большая Евразия: что скрывает фасад вдохновляющей идеи // Россия и АТР. 2018. №1 (99). С. 8-28.
- Скриба А.С.* Сопряжение ЕАЭС и экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. №3. 67-81.
- Степанов Н.С., Соколовская Е.А.* ШОС и ЕАЭС как основа будущего большого Евразийского партнерства// Дискуссия, №. 4 (89), 2018, С. 46-55.
- Шамишев Е.Д.* «Инициатива пояса и пути» как фактор формирования центральной Евразии: место и роль Казахстана // Вестник Института экономики РАН. 2019. №3. С. 137-151.
- Сведения об авторе:** Крамаренко Максим Борисович – руководитель частного учреждения «Информационно-аналитический центр «Институт Евразийской политики» (e-mail: kmb1978@mail.ru).

References

- Abramov V.L., Abramova O.D.* Jekonomicheskie interesy Rossii i EAJeS v integracionnom vzaimodejstvii s ključevymi stranami ATR pri formirovanii Bol'shogo evrazijskogo partnerstva // PolitBook. 2018. №3. С. 131-142.
- Van Chaolin'.* Jekonomicheskie koridory v Juzhnoj Azii i iniciativa «Odin pojas, odin put'» v 2000–2010-h gg. // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2019. №445. S. 96-101.
- Gontar' S.M.* Sistema kollektivnoj bezopasnosti RF v formate ODKB i predposylki ee sozdanija // Vestnik VolGU. Serija 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2013. №2 S. 125-129.
- Zeleneva I.V.* Perspektivy integracii bol'shih prostranstv - ASEAN i EAJeS // Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2016. №1 S. 57-67.

- Zeleneva I.V., Koncova E.A.* Asean i EAJeS: problemy i perspektivy sotrudnichestva Upravlencheskoe konsul'tirovanie, №. 11 (83), 2015, S. 112-123.
- Zuenko I.Ju.* Odin «Pojas», dva puti: vosprijatie kitajskih integracionnyh iniciativ v Rossii i Kazahstane (2014 — 2017) // Rossija i ATR. 2018. №1 (99). 118-132.
- Malysheva D.B.* Politicheskoe vzaimodejstvie central'noaziatskih uchastnikov EAJeS i evropejskogo sojuza // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. 2019. №2. S. 98-116.
- Mihajlenko V.I., Suhrob Rustami.* Na puti k novoj strategii Evropejskogo Sojuza dlja Central'noj Azii // Istorija i sovremennoe mirovozzrenie. 2019. №3. S. 95-102
- Morozov Ju.V.* Strategicheskie proekty Kitaja, Rossii i Soedinennyh Shtatov dlja Evrazii // Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. 2016. №11-3. 68-73.
- Novikov D.P.* (2018) Bol'shoe evrazijskoe partnerstvo: vozmozhnoe regional'noe vlijanie i interesy Rossii // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. T. 13. № 3. S. 82–96 (na russkom i anglijskom jazykah). S. 82-96
- Pescov S.K.* Bol'shaja Evrazija: chto skryvaet fasad vdohnovljajushhej idei // Rossija i ATR. 2018. №1 (99). S. 8-28.
- Skriba A.S.* Soprzjazhenie EAJeS i jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti: interesy uchastnikov i vyzovy realizacii // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika. 2016. №3. 67-81.
- Stepanov N.S., Sokolovskaja E.A.* ShOS i EAJeS kak osnova budushhego bol'shogo Evrazijskogo partnerstva// Diskussija, №. 4 (89), 2018, S. 46-55.
- Shamishhev E.D.* «Iniciativa pojasa i puti» kak faktor formirovanija central'noj Evrazii: mesto i rol' Kazahstana // Vestnik Instituta jekonomiki RAN. 2019. №3. S. 137-151.

About the author: Kramarenko Maxim B. – chief of the private institution «Information and analytical center «Institute of Eurasian policy» (e-mail: kmb1978@mail.ru).

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ ГОЛОСОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И США В ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН (1992-2019 ГГ.)

Г.В. Козлов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена нарастающей важностью исследования двусторонних отношений постсоветских стран с мировыми державами. За последние два десятилетия мировая система постепенно переходит от монополярной к многополярной системе. Развивающиеся страны ориентируются на несколько мировых и региональных держав одновременно, так Казахстан основными векторами своей внешней политики считает Россию, США, ЕС, КНР. В свою очередь, мировые державы ведут борьбу за влияние на развивающиеся страны. В данный момент Центральная Азия, в частности Казахстан является точкой пересечения интересов трех мировых держав – России, КНР и США. Исход борьбы определит дальнейший баланс сил в регионе. Цель данной статьи – выявить в динамике количественное измерение схожести взглядов Казахстана и США на, поднимаемые в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, вопросы мировой политики, а также определить по каким вопросам наблюдается постоянное разногласие двух государств. Источниковая база статьи состоит из статистических данных по голосованию в ГА ООН и содержательной части резолюций, которые были взяты на официальном интернет-ресурсе «Цифровая библиотека ООН». В статье автор использовал метод количественного анализа голосования в органах ООН, который описан в докторской диссертации Д.А. Дегтерева «Количественные методы в прикладном анализе международных отношений». Результаты исследования показывают низкий уровень согласия между Республикой Казахстан и США по отношению к проблемам мировой политики, и количественно показатель этого уровня равняется 31,1% в период с 1992 по 2019 гг. Основными темами разногласий являются проблемы ядерного разоружения, деколонизации, прав человека, Палестины и окружающей среды. Результаты исследования показывают содержание и количественный уровень разности взглядов и государственных интересов между мировой державой и развивающимся государством (в данной работе США и Казахстана). Также расчет аналогичного показателя для Казахстана и России свидетельствует о существенной ориентации Казахстана на Россию, об идентичности взглядов на мировую политику.

Ключевые слова: Прикладной анализ, Казахстан, США, голосование в ООН.

APPLIED ANALYSIS OF THE VOTING OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE USA IN THE UN GENERAL ASSEMBLY (1992-2019)

G.V. Kozlov

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The relevance of the article is due to the growing importance of studying the bilateral relations of post-Soviet countries with world powers. Over the past two decades the world system is gradually moving from a monopolar to a multipolar system. Developing countries are guided by several world and regional powers at the same time, as the main vectors of Kazakhstan's foreign policy are Russia, the USA, the EU and China, which are declared in the foreign policy concept of the Republic of Kazakhstan. In turn, the world powers are fighting for influence over developing countries. At the moment, Central Asia, in particular Kazakhstan, is the point of intersection of the interests of three world powers - Russia, China and the United States. The outcome of the struggle will determine the further balance of power in the region. The purpose of this article is to identify a quantitative measurement of the similarity of views of Kazakhstan and the United States on the issues of world politics in dynamics raised in the resolutions of the UN General Assembly, and also to determine on what issues there is a constant disagreement between the two states. The source base of the article consists of statistical data on voting in the UN General Assembly and the substantive part of the resolutions, which were taken from the official Internet resource "UN Digital Library". In the article, the author used the method of quantitative analysis of voting in UN bodies, which is described

in D. A. Degtyarev's doctoral dissertation "Quantitative Methods in Applied Analysis of International Relations." The results of the study show a low level of agreement between the Republic of Kazakhstan and the United States in relation to the problems of world politics, and quantitatively the indicator of this level is equal to 31.1% in the period from 1992 to 2019. The main themes of disagreement are the problems of nuclear disarmament, decolonization, human rights, Palestine and the environment. The results of the study show the content and quantitative level of the difference in views and state interests between a world power and a developing state (in this work, the United States and Kazakhstan). Also, the calculation of a similar indicator for Kazakhstan and Russia indicates a significant orientation of Kazakhstan towards Russia, an identity of views on world politics.

Keywords: Applied Analysis, Kazakhstan, USA, UN voting practices.

В статье произведен количественный анализ голосования по резолюциям в Генеральной ассамблее ООН. Данный метод анализа широко распространен среди исследователей и государственных органов, так с 1985 года Государственный департамент ежегодно предоставляет конгрессу США отчет о сравнении голосования в ГА и СБ ООН каждой страны относительно США¹. Проведение анализа голосования ООН важно в исследовании двусторонних отношений стран, так как голосование по резолюциям происходит по актуальным международным проблемам и может показать «количественно» насколько и «качественно» по каким вопросам расходится внешняя политика выбранных стран [Дегтерев 2019: 280-281].

Метод количественной оценки голосования в органах ООН сводится к подсчету соответствия результатов голосования двух стран и последующего расчета процента соответствия ответов одной страны к другой. Для количественного анализа необходимо на сайте «Цифровой библиотеки ООН» в разделе «Итоги голосования»² собрать ответы по голосованию двух стран по каждой резолюции на определенной сессии ГА или СБ ООН в одну таблицу. Далее необходимо в случае если ответы совпадают, то каждой стране присваивается 1 балл; если одна сторона «воздерживается» или «не голосует», а вторая сторона дает

утвердительный или отрицательный ответ, то присваивается 0,5 балла; если ответы являются противоположными, то это ноль баллов. Соответственно, любые ответы одной стороны (в данной статье это Казахстан) оцениваются в один балл, и общее количество баллов за определенную сессию соответствует количеству резолюций. Далее, в зависимости от соответствия и не соответствия ответов высчитываются баллы второй стороны (в данной статье это США). Чтобы высчитать соответствие голосования двух стран необходимо набранное количество баллов второй стороны (США) поделить на общее количество резолюций, которое соответствует количеству баллов первой стороны (Казахстана) и затем умножить на 100%.

Далее для того, чтобы выявить динамику схожести позиций следует построить график за определенный период лет, где можно наглядно увидеть тренды двусторонних отношений двух стран. Для качественного анализа необходимо на данном графике выделить максимальные и минимальные пики и проанализировать резолюции, по которым есть несогласие.

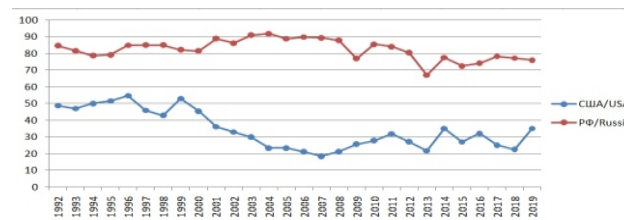

График 1. Динамика подобности голосования в Генеральной Ассамблее ООН США и РФ по отношению к Казахстану 1992-2019 гг.

Chart 1. Dynamics of similarity of voting in the United Nations General Assembly of the

¹ Public Law 101-246 February, 16 1990 «An Act to authorize appropriations for fiscal years 1990 and 1991 for the Department of State, and for other purposes» // URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-104/pdf/STATUTE-104-Pg15.pdf>

² Цифровая библиотека ООН // URL: <https://digitallibrary.un.org/search?ln=en&cc=Voting+Data>

United States and the Russian Federation in relation to Kazakhstan (1992-2019).

Анализируя полученные данные на графике, можно сказать, что максимальная подобность голосования в ГА ООН была в 1996 году и составляет 54,6%. Минимальный показатель данного критерия был в 2007 году и равен 18,35%. Следует указать, что минимальные пики 1998, 2007 и 2013 годов, перед которыми было несколько лет снижения подобности голосования, совпадают с мировыми экономическими кризисами 1998, 2008 гг. и санкционной политики США и стран ЕС против РФ, что привело также к падению экономических показателей Казахстана. Средний показатель подобности голосования по резолюциям ГА ООН Казахстана и США составляет 31,1% (для сравнения аналогичный показатель Россия-Казахстан – 82,3%).

Для качественного анализа необходимо отобрать резолюции пиковых годов, а также 2009 год как срединный между 1999 и 2019 годами. Для анализа отбираются те резолюции одной темы, по которым расхождение в голосовании было больше 3 лет. Из них анализируются последние по времени. Все резолюции, по которым у Казахстана и США не сходятся ответы больше трех лет, можно сгруппировать по тематике в 7 групп: ядерное оружие, права человека, Палестина, санкции против Кубы, деколонизация, окружающая среда, международная торговля.

У США и Казахстана при голосовании по резолюциям на тему сокращения и ликвидации ядерного оружия на протяжении почти тридцати лет не сходятся ответы. Причем, США всегда голосует против подобных резолюций, а Казахстан всегда голосует «за», подтверждая тем самым свою позицию «за мир без ядерного оружия». США голосовала против резолюции, обязывающей прекратить производство ядерного оружия, ядерные испытания и ядерную гонку вооружений¹. Также США голосовала против договора о всеобъемлющем запрещении испытаний

ядерного оружия², созыва четвертой специальной сессии ГА по разоружению в 1999 году³.

США регулярно голосует против резолюций, призывающих к содействию процессу многосторонних переговоров по ядерному разоружению⁴; против мер по уменьшению угрозы взрыва объектов с ядерным оружием⁵; против выведения из состояния боевой готовности систем ядерного вооружения⁶; против заключения Международного суда, гласящем об обязательстве ядерных держав проводить и доводить до конца переговоры по ядерному разоружению под международным контролем⁸.

В 1993 и 2019 годы Казахстан голосовал за, а США против резолюций, призывающих

² Резолюция A/RES/48/69 «Поправка к договору о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 81 пленарном заседании 16 декабря 1993 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/48/69>

³ Резолюция A/RES/51/45C «Созыв четвертой специальной сессии Генеральной Ассамблеи, посвященной разоружению», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 79 пленарном заседании 10 декабря 1996 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/51/45>

⁴ Резолюция A/RES/71/258 «Продвижение вперед процесса многосторонних переговоров по ядерному разоружению», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 68 пленарном заседании 23 декабря 2016 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/258>

⁵ Резолюция A/RES/74/55 «Содействие многосторонности в области разоружения и нераспространения», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/55>

⁶ Резолюция A/RES/71/47 «Гуманитарное обязательство в отношении запрещения и ликвидации ядерного оружия», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 51 пленарном заседании 5 декабря 2016 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/47>

⁷ Резолюция A/RES/73/60 «Понижение уровня боевой готовности систем ядерных вооружений», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 45 пленарном заседании 5 декабря 2018 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/60>

⁸ Резолюция A/RES/74/59 «Мероприятия в развитие консультативного заключения Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/59>

¹ Резолюция A/RES/47/53E «Замораживание ядерного оружия», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 81 пленарном заседании 9 декабря 1992 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/47/53>

Конференцию по разоружению начать переговоры для достижения договоренности о международной конвенции, запрещающей применение ядерного оружия и угрозу его применения при любых обстоятельствах¹.

Также США регулярно голосует против резолюций, призывающих Израиль отказаться от ядерного оружия и передачи ядерных объектов под учет Международного агентства по атомной энергии². С такой же регулярностью на протяжении двух десятилетий у Казахстана и США не сходятся мнения по поводу резолюций, призывающих ядерные державы осуществлять практические действия по ядерному разоружению и дать государствам, не обладающим ядерным оружием, юридические гарантии безопасности³. С 2017 по 2019 год США выступало против резолюций, призывающих государства подписать и ратифицировать в кратчайшие сроки Договор о запрещении ядерного оружия⁴.

Аналогичное мнение у США насчет резолюций, призывающих принять ответственность за недопущение применения ядерного оружия⁵, призывающих настоятельно прекратить

дальнейшую разработку и производство ядерных боеголовок, снять их с боевого дежурства⁶, призывающих понизить роль и значение ядерного оружия во всех концепциях, доктринах и стратегиях военных ведомств и других органов ядерных держав⁷, призывающих признать катастрофические гуманитарные последствия любого случайного или умышленного взрыва ядерного оружия⁸, призывающих создание в Южном полушарии и прилегающих районах дополнительных зон, свободных от ядерного оружия⁹, призывающих выполнять обязательства, принятые на заседании ГА ООН высокого уровня по ядерному разоружению 2013 г.¹⁰.

Такое же отношение Казахстана («за») и США («против») наблюдается по отношению к резолюциям о проблемах Палестины. Так США голосует регулярно на протяжении последних 27 лет против резолюций, призывающих продолжать работу Комитету по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа и всяческое содействие его деятельности¹¹,

¹ Резолюция A/RES/74/68 «Конвенция о запрещении применения ядерного оружия», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/68>

² Резолюция A/RES/74/75 «Опасность распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/75>

³ Резолюция A/RES/74/36 «Последующие мероприятия по осуществлению обязательств в отношении ядерного разоружения, согласованных на конференциях 1995, 2000 и 2010 годов участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/36>

⁴ Резолюция A/RES/74/41 «Договор о запрещении ядерного оружия», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/41>

⁵ Резолюция A/RES/74/42 «Гуманитарные последствия применения ядерного оружия», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/42>

⁶ Резолюция A/RES/74/45 «Ядерное разоружение», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/45>

⁷ Резолюция A/RES/74/46 «На пути к миру, свободному от ядерного оружия: ускорение осуществления обязательств в отношении ядерного разоружения», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/46>

⁸ Резолюция A/RES/74/47 «Нравственные императивы в отношении мира, свободного от ядерного оружия», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/47>

⁹ Резолюция A/RES/74/48 «Южное полушарие и прилегающие районы, свободные от ядерного оружия», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/48>

¹⁰ Резолюция A/RES/74/54 «Последующая деятельность в связи с проведенным в 2013 году заседанием Генеральной Ассамблеи высокого уровня по ядерному разоружению», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 46 пленарном заседании 12 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/54>

¹¹ Резолюция A/RES/74/10 «Комитет по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа», принятая Генеральной ассамблеей ООН на

требующие Израиль соблюдать Женевскую конвенцию о защите гражданского населения 1949 года и ее применимости в данном случае¹, требующих от Израиля прекратить военные действия против Ливанского и Палестинского народа², предлагающих продолжать работу Департаменту глобальных коммуникаций Секретариата по распространению информации о Палестине, расширении фондов аудиовизуальных материалов и поощрении миссий журналистов в регион³, призывающих Израиль уйти с оккупированных сирийских Голан и прекратить незаконную деятельность на этой территории⁴, предлагающих всем правительствам и организациям оказывать содействие Отделу по правам палестинцев Секретариата в выполнении его задач, исследовательской и контрольной деятельности⁵.

Аналогичная картина наблюдается и с другими резолюциями, призывающих Израиль и Палестину действовать согласно международному праву⁶, призывающих государства поддерживать Ближневосточное

агентство ООН⁷, призывающих Израиль содействовать созданию университета для обеспечения образования палестинского населения⁸, подтверждающих право палестинских беженцев вернуться на свои территории и требующих от Израиля обеспечение этого и не препятствование⁹, требующих создать фонд, в который будут поступать средства от использования покинутого палестинцами имущества¹⁰, требующих от Израиля сотрудничества со Специальным комитетом по расследованию затрагивающих права человека действий Израиля¹¹, осуждающих поселенческую деятельность Израиля на оккупированной палестинской территории¹², требующих от Израиля отмены дискриминационных законодательных актов, политики и акций на оккупированной палестинской территории¹³,

38 пленарном заседании 3 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/10>

¹ Резолюция A/RES/47/64E «Вопрос о Палестине», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 84 пленарном заседании 11 декабря 1992 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/47/64>

² Резолюция A/RES/48/40H «Защита палестинских беженцев», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 75 пленарном заседании 10 декабря 1993 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/48/40>

³ Резолюция A/RES/74/13 «Специальная программа информации по вопросу о Палестине Департамента глобальных коммуникаций Секретариата», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 38 пленарном заседании 3 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/13>

⁴ Резолюция A/RES/74/14 «Сирийские Голаны», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 38 пленарном заседании 3 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/14>

⁵ Резолюция A/RES/74/12 «Отдел по правам палестинцев Секретариата», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 38 пленарном заседании 3 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/12>

⁶ Резолюция A/RES/74/11 «Мирное урегулирование вопроса о Палестине», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 38 пленарном заседании 3 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/11>

⁷ Резолюция A/RES/74/85 «Операции Ближневосточного агентства Организации Объединенных Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 47 пленарном заседании 13 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/85>

⁸ Резолюция A/RES/54/75 «Иерусалимский университет «Аль-Кудс», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 71 пленарном заседании 6 декабря 1999 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/54/75>

⁹ Резолюция A/RES/74/84 «Лица, перемещенные в результате военных действий в июне 1967 года и последующих военных действий», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 47 пленарном заседании 13 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/84>

¹⁰ Резолюция A/RES/74/86 «Имущество палестинских беженцев и получаемые за счет него доходы», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 47 пленарном заседании 13 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/86>

¹¹ Резолюция A/RES/74/87 «Деятельность Специального комитета по расследованию затрагивающих права человека действий Израиля в отношении палестинского народа и других арабов на оккупированных территориях», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 47 пленарном заседании 13 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/87>

¹² Резолюция A/RES/74/88 «Израильские поселения на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и оккупированных сирийских Голан», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 47 пленарном заседании 13 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/88>

¹³ Резолюция A/RES/74/89 «Затрагивающие права человека действия Израиля в отношении

подтверждающих право палестинского народа на самоопределение и собственное независимое Государство Палестина¹, призывающих Израиль прекратить эксплуатировать и истощать природные ресурсы на оккупированной палестинской территории², призывающих вовремя сдавать денежные средства на финансирование миротворческих сил ООН в Ливане³.

Следующие резолюции, по которым наблюдается несогласие между США и Казахстаном на протяжении последних 27 лет – это резолюции Генеральной ассамблеи ООН, призывающих США и всех причастных государств к снятию торговой, экономической и финансовой блокады⁴.

Также отмечается постоянностью в период с 48 по 74 сессию несогласие двух стран по резолюциям, пытающихся решить вопросы о деколонизации, самоуправляющихся территорий и бывших колоний. Здесь также США голосует против подобных резолюций, Казахстан всегда голосует за них. К таким резолюциям относятся следующие резолюции: резолюции, призывающие

Департамент глобальных коммуникаций не прекращать деятельность по распространению сведений о деколонизации во всех видах СМИ и быть связующим звеном между управляющими государствами и самоуправляющимися территориями, между профильными международными и региональными организациями⁵; резолюции, призывающие управляющим государствам осуществлять меры по самоопределению самоуправляющихся территорий и свертывание на их территории военных баз⁶; резолюции, подтверждающие, что только решение Генеральной ассамблеи ООН может говорить о достижении полного самоуправления самоуправляющимися территориями⁷; резолюции, призывающие управляющие государства к прекращению ее резидентами бизнес деятельности на самоуправляющихся территориях и всякой деятельности ведущей к нанесению ущерба природным ресурсам и условиям труда народов данных территорий⁸.

Следующая группа резолюций, по которым автором были выявлены постоянные противоречия в позициях двух стран на протяжении длительного периода голосования в Генеральной ассамблее ООН относятся к теме защиты окружающей среды. США голосует против резолюций, просящих Генерального секретаря ООН

палестинского народа на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 47 пленарном заседании 13 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/89>

¹ Резолюция A/RES/74/139 «Право палестинского народа на самоопределение», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 50 пленарном заседании 18 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/139>

² Резолюция A/RES/74/243 «Постоянный суверенитет палестинского народа на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и арабского населения на оккупированных сирийских Голанах над своими природными ресурсами», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 52 пленарном заседании 19 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/243>

³ Резолюция A/RES/63/298 «Финансирование Временных сил Организации Объединенных Наций в Ливане», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 93 пленарном заседании 30 июня 2009 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/63/298>

⁴ Резолюция A/RES/74/7 «Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады, введенной Соединенными Штатами Америки против Кубы», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 28 пленарном заседании 6 ноября 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/7>

⁵ Резолюция A/RES/74/112 «Распространение информации о деколонизации», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 47 пленарном заседании 13 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/112>

⁶ Резолюция A/RES/74/113 «Осуществление Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 47 пленарном заседании 13 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/113>

⁷ Резолюция A/RES/74/93 «Информация о самоуправляющихся территориях, передаваемая согласно статье 73 e Устава Организации Объединенных Наций», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 47 пленарном заседании 13 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/93>

⁸ Резолюция A/RES/74/94 «Экономическая и иная деятельность, которая затрагивает интересы народов самоуправляющихся территорий», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 47 пленарном заседании 13 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/94>

создать специальную рабочую группу для ликвидации пробелов в международном экологическом праве¹, призывающие государства и международные организации оказывать Ливану поддержку по ликвидации, разлившегося нефтяного пятна на побережье вследствие военных действий², предлагающие государствам содействовать выработке целостной концепции устойчивого развития для формирования альтернативных подходов по обеспечению жизни в гармонии с природой с использованием современных научных данных, способствовать популяризации жизни в гармонии с природой³, приветствующие содействие государств-членов в наращивании потенциала повышать информированность и готовность к песчаным и пыльным бурям и расширять их возможности в плане реагирования на эти бедствия, а также призывающая государства и международные организации продолжать обмениваться передовыми методами, опытом и техническими знаниями в области борьбы с песчаными и пыльными бурями⁴.

К шестой группе относятся резолюции на тему прав человека, по которым также наблюдается стабильное расхождение позиций Республики Казахстан и США. Стоит отметить, что в этой группе резолюций есть резолюции, затрагивающие проблему соблюдения прав человека в Исламской Республике Иран, которые призывают Иран соблюдать права человека по отношению к заключенным,

задержанным, женщинам, этническим и религиозным меньшинствам. Казахстан голосует против данных резолюций исходя из совместного членства в Организации исламского сотрудничества и соседских отношений по Каспийскому морю с Исламской Республикой Иран⁵.

Следующие резолюции Казахстан поддерживает в отличие от США. К ним относятся резолюции, призывающие государства прекратить любые односторонние экономические, финансовые и торговые меры, создающие препятствия для торговых отношений между государствами, мешая тем самым полному осуществлению права людей и народов на развитие, а также прекратить государствам создавать перечни государств-изгоев для последующего политического или экономического давления на них⁶, рекомендуемые установить квоты по географическим регионам для членства в договорных органах по правам человека в ООН⁷, призывающие государства соблюдать уважение к культурному многообразию в своих политических и правовых системах, а также приступать к построению международного порядка на основе справедливости и уважении разных культур, отказаться от всех доктрин социальной изоляции⁸, подтверждающие, что для осуществления прав человека в полном объеме необходимо стремиться к уменьшению разрыва между богатыми и

¹ Резолюция A/RES/72/277 «К заключению Всемирного пакта о защите окружающей среды», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 88 пленарном заседании 10 мая 2018 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/Res/72/277>

² Резолюция A/RES/74/208 «Нефтяное пятно на ливанском побережье», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 52 пленарном заседании 19 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/208>

³ Резолюция A/RES/74/224 «В гармонии с природой», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 52 пленарном заседании 19 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/224>

⁴ Резолюция A/RES/74/226 «Борьба с песчаными и пыльными бурями», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 52 пленарном заседании 19 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/226>

⁵ Резолюция A/RES/74/167 «Положение в области прав человека в Исламской Республике Иран», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 50 пленарном заседании 18 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/167>

⁶ Резолюция A/RES/74/154 «Права человека и односторонние принудительные меры», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 50 пленарном заседании 18 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/154>

⁷ Резолюция A/RES/74/155 «Поощрение справедливого географического распределения членского состава договорных органов по правам человека», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 50 пленарном заседании 18 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/155>

⁸ Резолюция A/RES/74/159 «Права человека и культурное разнообразие», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 50 пленарном заседании 18 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/159>

бедными, как внутри стран, так и на международной арене¹, призывающие государства вести регистрацию и лицензирование частных военных компаний с целью контроля их деятельности по соблюдению прав человека в других странах², подчеркивающие, что государство несет главную ответственность за социальное, экономическое развитие и соблюдение прав человека и что, для достижения всего вышеперечисленного необходимо уделить внимание в первую очередь на решение проблем с гендерным неравенством, коррупцией и инфекционными заболеваниями³. Последние резолюции в этой группе на тему прав человека под названием «Содействие установлению демократического и справедливого международного порядка» содержат в себе все вышеперечисленные пункты из других резолюций⁴.

К седьмой группе относятся резолюции на тему ликвидации расизма и нацизма. США также голосует против следующих резолюций, призывающих присоединиться к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и вносить взносы в Целевой фонд для Программы на Десятилетие действий по борьбе с расизмом и расовой дискриминацией⁵,

¹ Резолюция A/RES/64/160 «Глобализация и ее воздействие на осуществление в полном объеме всех прав человека», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 65 пленарном заседании 18 декабря 2009 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/64/160>

² Резолюция A/RES/74/138 «Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 50 пленарном заседании 18 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/138>

³ Резолюция A/RES/74/152 «Право на развитие», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 50 пленарном заседании 18 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/152>

⁴ Резолюция A/RES/74/150 «Содействие установлению демократического и справедливого международного порядка», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 50 пленарном заседании 18 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/150>

⁵ Резолюция A/RES/74/137 «Глобальный призыв к конкретным мерам, направленным на ликвидацию расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и всеобъемлющее осуществление и принятие последующих мер по

рекомендующие государствам принять меры в законодательной области и в сфере образования для того, чтобы предотвратить пересмотр итогов Второй мировой войны и отрицание преступлений против человечности и военных преступлений, совершенных во время Второй мировой войны, а также призывающие государства обеспечить свои системы образования материалами, точно отражающими историю, поощряющими толерантность и другие международные принципы в области прав человека⁶.

Последняя группа резолюций относится к теме международной торговли. В голосовании по этим резолюциям также наблюдается разногласие во взглядах между Казахстаном и США. Казахстан голосует «за» них, а США против. Данные резолюции, призывают способствовать обеспечению универсальной, прозрачной и справедливой многосторонней торговой системы под эгидой ВТО, бороться с протекционистскими мерами, и поддерживать наиболее уязвимые страны⁷; призывающих принять на всех уровнях комплекс мер по решению нестабильности цен на сырьевые ресурсы, оказать поддержку развивающимся странам, находящимся в сырьевой зависимости путем содействия развитию их собственной перерабатывающей промышленности⁸; призывает международное сообщество осудить и прекратить навязывание применения односторонних торговых, экономических и финансовых мер как

выполнению Дурбанской декларации и Программы действий», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 50 пленарном заседании 18 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/137>

⁶ Резолюция A/RES/74/136 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 50 пленарном заседании 18 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/136>

⁷ Резолюция A/RES/74/201 «Международная торговля и развитие», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 52 пленарном заседании 19 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/201>

⁸ Резолюция A/RES/74/204 «Сырьевые товары», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 52 пленарном заседании 19 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/204>

средства политического и экономического принуждения развивающихся стран, препятствующих полному достижению социально-экономического развития¹.

В заключении можно сделать вывод, что расхождение в позициях на мировую политику и на внешнюю политику между Соединенными Штатами Америки и Республикой Казахстан в Генеральной ассамблее ООН велико и количественно составляет в среднем по годам 31%. Наиболее существенное несовпадение позиций наблюдается по вопросам ядерного разоружения, конфликта в Палестине, и соблюдения прав человека и прав народов на самоопределение. Вышеизложенная тематика свидетельствует об определенной дихотомии двух государств: США – ядерная держава, Казахстан – государство, без ядерного оружия, последовательно стоящая на позициях использования атома в мирных гражданских целях; США – один из главных союзников Израиля, Казахстан – государство, стоящее на твердых позициях мирного урегулирования международных конфликтов, при этом чувствующее солидарность с мусульманскими странами и народами; США – великая держава, Казахстан – развивающееся государство. Данная дихотомия ярко отражена в позициях по голосованию в Генеральной Ассамблее ООН.

¹ Резолюция A/RES/74/200 «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран», принятая Генеральной ассамблеей ООН на 52 пленарном заседании 19 декабря 2019 года // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/200>

Библиографический список

Дегтерев Д.А. Количественные методы в прикладном анализе международных отношений: дис. ... д. полит. наук: 23.00.04 / Дегтерев Денис Андреевич; науч. консультант А. В. Шабага; РУДН. – М., 2019. – 644 с.

Дегтерев Д.А., Дегтерев А.Х., Никулин М.А., Оганесян А.Л. (2014) Прикладной анализ внешней политики стран СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 4. С. 176–184.

Курьлев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В. Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 134–156.

Сведения об авторе: Козлов Глеб Витальевич – магистр в области международных отношений, РУДН (e-mail: donni9999@gmail.com).

References

Degterev D.A. Kolichestvennyye metody v prikladnom analize mezhdunarodnykh otnosheniy: dis. ... d. polit. nauk: 23.00.04 / Degterev Denis Andreevich; nauch. konsultant A. V. Shabaga; RUDN. – M., 2019. – 644 s.

Degterev D.A., Degterev A.H., Nikulin M.A., Oganesyana A.L. (2014) Prikladnoj analiz vneshnej politiki stran SNG // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. № 4. S. 176–184.

Kurylev K.P., Degterev D.A., Smolik N.G., Stanis D.V. Kolichestvennyj analiz fenomena geopoliticheskogo plyuralizma postsovetskogo prostranstva // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2018. T. 13. № 1. S. 134–156.

About the author: Kozlov Gleb V. – Master in International Relations, RUDN University (e-mail: donni9999@gmail.com).

СОТРУДНИЧЕСТВО КНР СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА

Чэнь Цюаньцзюань

Хэйлунцзянский университет, Харбин, КНР

Аннотация. Энергоносители – это главный интерес Китая и других стран, соперничающих за влияние в Центральной Азии. Для реализации своих энергетических интересов Китай должен, прежде всего, обеспечить себе доступ к энергетическим ресурсам региона. Хотя Китай не стремится к контролю над этими ресурсами, он стремится противостоять любым попыткам другой внешней державы монополизировать добычу и экспорт энергетических ресурсов в Казахстане. Энергетическая политика КНР также направлена на то, чтобы подключить центрально-азиатские углеводородные ресурсы к обслуживанию своих энергетических нужд в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Являясь полноправным членом международного сообщества, Казахстан способствует обеспечению геополитической стабильности и международной безопасности, представляя себя в качестве государства, которое в полной мере осознает свою ответственность за обеспечение глобального энергетического баланса и безопасности. Отсутствие же четко сформулированных и научно обоснованных ориентиров долгосрочных перспектив энергетического сотрудничества Казахстана с таким партнером, как Китай, может негативным образом сказаться на его будущем. Казахстан, являющийся сегодня энергетическим лидером в Центральной Азии, полагается на основные углеводородные ресурсы региона, то есть, нефть и природный газ. Из-за немногочисленного населения и низкого уровня потребления энергии, Казахстан в большей степени является нетто-экспортером углеводородов в Центральной Азии. При этом большая часть углеводородов экспортируется Казахстаном через территорию России или принадлежащие ей трубопроводы. Учитывая принцип «диверсификации», заинтересованность Казахстана в постройке Китаем дополнительных трубо- и газопроводов в Восточную Азию может иметь дополнительный экономический и политический стимул. В рамках данного исследования рассмотрим основные процессы, протекающие сегодня в китайско-казахстанском сотрудничестве в энергетическом секторе экономики.

Ключевые слова: Китай, Казахстан, трубопроводы, нефть, газ.

COOPERATION OF CHINA WITH CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE ENERGY SPHERE ON THE EXAMPLE OF KAZAKHSTAN

Chen Juanjuan

Heilongjiang University, Harbin, PRC

Abstract. Energy is the main interest of China and other countries vying for influence in Central Asia. To realize its energy interests, China must, first of all, ensure itself access to the region's energy resources. Although China does not seek to control these resources, it does seek to resist any attempts by another external power to monopolize the production and export of energy resources in Kazakhstan. The energy policy of the PRC is also aimed at connecting the Central Asian hydrocarbon resources to serve its energy needs in the medium and long term. As a full member of the international community, Kazakhstan contributes to ensuring geopolitical stability and international security, introducing itself as a state that is fully aware of its responsibility for ensuring the global energy balance and security. The absence of clearly formulated and scientifically grounded guidelines for long-term prospects for energy cooperation between Kazakhstan and such a partner as China may negatively affect its future. Kazakhstan, which is today the energy leader in Central Asia, relies on the region's main hydrocarbon resources, that is, oil and natural gas. Due to its small population and low energy consumption, Kazakhstan is largely a net exporter of hydrocarbons in Central Asia. Moreover, most of the hydrocarbons are exported by Kazakhstan through the territory of Russia or pipelines belonging to it. Taking into account the

principle of "diversification", Kazakhstan's interest in the construction of additional pipelines and gas pipelines by China to East Asia may have an additional economic and political incentive. Within the framework of this study, we will consider the main processes taking place today in the Chinese-Kazakh cooperation in the energy sector of the economy.

Keywords: China, Kazakhstan, pipelines, oil, gas.

Казахстан: нефтегазовое взаимодействие как основа сотрудничества

Казахстан расположен в центре Центральной Азии, рядом с Каспийским морем, соединен с Синьцзяном на юго-востоке, Россией на севере и Узбекистаном, Туркменистаном и Кыргызстаном на юге.¹ По запасам нефти Казахстан занимает второе место в странах СНГ. В настоящее время Казахстан открыл и разведан более 200 нефтяных месторождений и более 10 крупных нефтяных месторождений, в основном распределенных в четырех западных областях Казахстана. В том числе Кашаганское нефтяное месторождение, Тенгизское нефтяное месторождение, месторождение Кайлан, месторождение Узень, месторождение Каламкас, месторождение Жетыбай, месторождение Актюд, месторождение Занаждол, Нефтяное месторождение Карачаганаки Каламкас-Оффшорное месторождение. Самое раннее месторождение Узень начало промышленную эксплуатацию в 1965 г., а более позднее Кашаганское нефтяное месторождение было добыто в июне 2013 г.² На газовых месторождениях в Казахстане преобладают попутный газ и конденсатный газ, и их распределение по всей стране очень неравномерно, но они в основном такие же, как на нефтяных месторождениях сосредоточены в Атырау, Мангистау, Западном Казахстане и Актобе. В таблице общих запасов природного газа Казахстана имеется 16 газовых месторождений, на которые приходится более 0,5% от общего

объема: это Карачаганнакское, Тяньжизское, Кашаганское, Имашевское газовые месторождения. А также месторождение Жетыбай, Тенге, Узень, Ульрихау, Пролва, Каламкас Амангрид, Деллов-Токарев, Нанге Табайское, Шагили-Шумуштское и Зенаревское газовое месторождение.

Актюбинский нефтегазовый проект

В июне 1997 г. Китайская нефтяная корпорация приобрела 60,3% акций Актюбинского нефтегазового акционерного общества за 320 млн. долл. и получила права компании на управление активами. В 2003 г. Китайская нефтяная корпорация выкупила 25,12% акций. В настоящее время Китайская нефтяная корпорация принадлежит 85,42%. Актюбинский нефтегазовый проект - первый проект сотрудничества в нефтегазовой сфере, полученный Китайской нефтяной корпорацией в Центральной Азии. С тех пор началась прелюдия к сотрудничеству Китая и Центральной Азии в нефтегазовой сфере.

Актюбинская Нефтегазовая Компания является национальным акционерным обществом, которое из-за плохого управления находится на грани банкротства. С тех пор, как Китайская нефтяная корпорация стала владельцем нефтегазового проекта в Актобе, благодаря увеличению инвестиций, улучшению управления и технологических инноваций, она изменила ситуацию с потерями на старых месторождениях и увеличивала добычу нефти и газа из года в год. Годовой объем добычи сырой нефти по этому проекту увеличился с 2,63 млн. т в 1997 г. до 6,28 млн. т в 2010 г. К концу 2018 г. он ежегодно добывал более 10 млн. т нефтяного и газового эквивалента с совокупной добычей 88,17 млн. т сырой нефти и 53,4 млрд. куб м природного газа. Являясь главным предприятием местного самоуправления, Актюбинская Нефтегазовая Компания внесла более 70% налогов в Актобе. Актюбинский проект также активно

¹明海会. 哈萨克斯坦天然气工业综述及哈中合作建议 [J]. 新疆石油地质, 2013, 34(4): 491-495.

²哈萨克斯坦能源综述: 储备、开采和投资[EB/OL]. 驻哈萨克经商参处, 2015-11-20. <http://kz.mofcom.gov.cn/article/ztdy/201511/20151101191242.shtml>. (Дата обращения 23.01.2020)

поддерживает местные общественные благотворительные организации. Выдающиеся результаты деятельности Китайская нефтяная корпорация по нефтегазовому проекту в Актобе получили положительное признание и похвалу со стороны казахстанского правительства и общественности, что заложило хорошую основу для расширения нефтегазового сотрудничества в Казахстане. В начале XXI в. Китайская нефтяная корпорация успешно приобрела несколько акций нефтегазовых активов в Казахстане.

Северное месторождение Бузаки

В сентябре 2003 г. Китайская нефтяная корпорация из Нимир Петролеум Компани Саудовской Аравии и Chevron США - Техасо (Техасо) компании приобрела 35% и 65% акций Chevron-Texas North Buzach Co., Ltd. В настоящее время Китайская нефтяная корпорация и российская Лукойл владеют 50% акций в Северном месторождении Бузаки.

До того, как Китайская нефтяная корпорация захватила Chevron-Texas North Buzach Co., Ltd, Нимирская нефтяная компания и Chevron-Texas не сделали крупных прорывов в этой области. После участия в этом проекте Китайская нефтяная корпорация скорректировала свой технологический план добычи нефти. В результате годовая мощность добычи нефти на месторождении быстро возросла с менее чем 500000 т в 2004 г. до 2 млн т в 2017 г.

Проект РК

В октябре 2005 года Китайская нефтяная корпорация приобрела Казахстанскую нефтяную компанию РК (Petro Kazakhstan), которая завершила крупнейшее зарубежное приобретение китайской нефтяной компании в то время. В июле 2006 года Китайская нефтяная корпорация передала 33% акций в РК. В настоящее время Китайская нефтяная корпорация принадлежит 67% РК.

До приобретения Казахстанская нефтяная компания (РК) Компания попала в неустойчивую ситуацию. После приобретения Китайской национальной нефтяной корпорации (РК) внесла коррективы в разведку и разработку нефти и газа, производство нефтепереработки,

эксплуатацию и управление, что привело к появлению нового корпоративного имиджа. Объемы добычи сырой нефти были стабильно налажены на протяжении более 10 млн т в течение многих лет. В настоящее время проект РК стал третьим по величине иностранным производителем нефти и крупнейшим поставщиком продуктов нефтепереработки и химической промышленности в Казахстане. Китайская национальная нефтяная корпорация (РК) уважает мультикультурализм, уделяет внимание местному развитию и уделяет внимание охране окружающей среды. В 2011 г. Китайская национальная нефтяная корпорация (РК) получила золотую награду Президента Казахстана за корпоративный социальный вклад.

КАМ проект

В ноябре 2004 г. Китайская нефтяная корпорация приобрела 50% акций совместного предприятия Kuat Amlon Muani (КАМ). К 2013 г. добыча сырой нефти по проекту КАМ удвоилась по сравнению с 2004 г.

ADM проект

В январе 2005 г. Китайская нефтяная корпорация приобрела 100% -ную долю участия Ai-Dan-Munai (ADM) Petroleum Co., Ltd. в казахстанском проекте и получила лицензии на разведку для разведочных блоков Арыс и Буленов. С момента вступления во владение проектом ADM Китайская нефтяная корпорация начала комплексные геологоразведочные работы. К концу 2014 г. в рамках проекта ADM было завершено бурение 4 разведочных скважин и 4 оценочных скважин.

Улихетао Газовое месторождение

В октябре 2009 г. Китайская нефтяная корпорация и Казахстанская нефтегазовая компания подписали «Соглашение о совместной разработке газового месторождения Улихетао». В феврале 2011 г. Китайская нефтяная корпорация и Казахстан создали совместное предприятие в соответствии с «Принципиальным соглашением о сотрудничестве по проекту Улихетао в Казахстане» для совместной разведки и разработки газового месторождения Улихетао с целью защиты источника газа для китайско-казахстанского

газопровода. Кроме того, в последние годы частные предприятия Китая также активно участвовали в разработке казахстанских нефтегазовых ресурсов путем слияний и поглощений.

Кроме проектов между КНР и Казахстаном, строительство и эксплуатация нефтепроводов и газопроводов тоже постепенно развиваются.

Во-первых, строили Китай-Казахстанский сырой нефтепровод.

В мае 2004 г. Китайская нефтяная корпорация и Казахская нефтегазовая компания подписали «Основное принципиальное соглашение о строительстве нефтепровода из Атасу Казахстана в Алашанькоу КНР», и было официально начато строительство нефтепровода Китай-Казахстан. В июле компания по разведке и разработке Китайской нефтяной корпорации (CNODC) и Казахская нефтегазовая транспортная компания (КТО) совместно учредили Китайско-Казахстанская Трубопроводная Компания, ООО (КСР), которая отвечает за инвестиции в проект, инженерное строительство и управление эксплуатацией трубопровода нефтепровода Китай-Казахстан.

Нефтепровод Китай-Казахстан проходит в Синьцзян из Атырау на западе Казахстана, проходит через Кенкияк, Кумкор и Атасу и проходит через Алашанькоу на китайско-казахстанской границе. Общая протяженность составляет 2828 км, а годовой объем транспортировки нефти - 20 млн т.¹

Трубопровод был разделен на три этапа. Предварительный проект проходит от Кенкияка до Атырау общей протяженностью 448 км и мощностью транспортировки нефти 6 млн. т в год. Он был начат в мае 2003 г. Первая фаза проекта проходит от Атасу до Алашанькоу общей протяженностью 962 км и проектной пропускной способностью 10 млн т нефти в год. Строительство началось в сентябре 2004 г., а эксплуатация началась в июле 2006

г. Вторая фаза проекта разделена на два этапа: 1) от Кенкияка до Кумкора, общей протяженностью 792 км, была построена в апреле 2008 г. и коммерческая эксплуатация в октябре 2009 г.; 2) восстановят и расширят станции на всей линии.²

С 2013 г. был построен нефтепровод Китай-Казахстан. В апреле 2013 г. Китайская нефтяная корпорация и Казахская нефтегазовая компания подписали «Соглашение о принципах расширения китайско-казахстанского нефтепровода» для расширения пропускной способности нефтепровода Китай-Казахстан.³

Нефтепровод Китай-Казахстан является единственным экспортным трубопроводом сырой нефти в Казахстане, который не проходит через третью страну и первый наземный трубопровод для импорта сырой нефти в Китае, имеет стратегическое значение и важную позицию в стратегиях развития энергетики двух стран.

Во-вторых, развивались Китай-Казахстанские Проекты газопровода I и II фазы.

В августе 2007 г. правительства Китая и Казахстана подписали Соглашение о сотрудничестве по строительству и эксплуатации газопровода Китай-Казахстан.

В феврале 2008 г. дочерняя компания Трансазиатская газопроводная компания с ограниченной ответственностью и Казахская газотранспортная компания (КТГ) совместно учредили компанию «природный газопровод Центральной Азии», которая отвечает за строительство и эксплуатацию трубопроводов в Казахстане.

В ноябре 2008 г. Китайская нефтяная корпорация и Казахская нефтегазовая компания подписали «Рамочное соглашение о расширении сотрудничества в области трубопроводов природного газа и природного газа». С 2014 г. Казахстан

²中国石油在中亚之管道篇[EB/OL].人民网, 2014-11-15, <http://energy.people.com.cn/n/2014/1115/c71661-26031144.html>. (Дата обращения 23.01.2020)

³中国石油在中亚之管道篇[EB/OL].人民网, 2014-11-15, <http://energy.people.com.cn/n/2014/1115/c71661-26031144.html>. (Дата обращения 23.01.2020)

¹赵祎诚, 中国与中亚国家油气管道合作的回顾、前景及合作机制的法律特点[J]. 金卡工程·经济与法, 2009, 7: 161.

транспортировал 5 млрд куб м природного газа к линии С газопровода Китай-Центральная Азия и совместно финансировал строительство второй фазы газопровода Китай-Казахстан, а именно газопровода Бейнеу-Бозой-Шымкент.

Вторая фаза газопровода Китай-Казахстан соединяет Бейнеу в Мангистауской области, через Бозой в Актюбинской области и соединяется с газопроводом Китай-Центральная Азия в Шымкенте, Южный Казахстан, общей протяженностью 1454 км, с годовой пропускной способностью 10-15 млрд куб м газа. Трубопровод был построен в два этапа: 1) от Бозоя до Шымкента, протяженностью 1143 км, был начат в июле 2012 г. и был завершен в сентябре 2013 г.; 2) от Бейнеу до Бозоя, протяженностью 311 км и был завершен в 2015 г.

Вторая фаза газопровода Китай-Казахстан может решить проблему недостаточного газоснабжения на юге Казахстана и в то же время стимулировать разработку газового месторождения Улихетао. Рост добычи газа также может быть экспортирован в Китай через этот канал.

В 2015 г. во время визита премьер-министра Казахстана К. Масимова в Китай обе стороны договорились своевременно осуществить расширение нефтепровода Казахстан-Китай, строительство газопровода Казахстан-Китай и реконструкцию Чимкентского НПЗ.

В апреле 2016 г. Казахская национальная нефтегазовая компания передала 51% своей нефтегазовой международной компании «Румынский филиал» китайской Watson Energy Co., Ltd. с целью формирования совместной платформы для стратегического сотрудничества в области энергетики. В сентябре 2016 г. Казахстан и Китай подписали «План сотрудничества между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Казахстан по строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Плана сотрудничества по стыковке новой экономической политики «Нурлы Жол». Обе стороны выразили готовность продвигать

природный газ, Торговля нефтью, нефтепродуктами, продуктами нефтехимии и другими продуктами, укрепление сотрудничества в развивающихся отраслях, таких как новая энергетика, и разработка проектов с потенциальными производственными мощностями. Среди пяти стран Центральной Азии энергетическое сотрудничество Казахстана с Китаем было самым ранним и самым крупным. Благодаря энергетическому диалогу энергетическое сотрудничество между Казахстаном и Китаем стремительно развивается, становясь моделью энергетического сотрудничества между странами Центральной Азии и Китаем.

В области переработки нефти и газа три существующих нефтеперерабатывающих завода в Казахстане отстают, и объем производства не может удовлетворить спрос, поэтому Казахстан сотрудничает с Китаем и Ираном в штате Мангстао в строительстве четвертого нефтеперерабатывающего завода. Позже он будет поставлять высокооктановый бензин и авиационное топливо.¹ Из-за относительно слаборазвитой экономики в Центральной Азии емкость рынка продуктов энергетики в принимающей стране или прилегающих районах невелика, а местные условия строительства и эксплуатации не идеальны, поэтому масштаб строительства проекта, как правило, невелик, а затраты на инвестиции и производство, напротив, высоки, поэтому трудно оценить преимущества крупномасштабного производства. В то же время отсутствие цепочки химического производства с высокой добавленной стоимостью, и экономические выгоды, связанные с производством и продажей очищенной нефти, не очень удовлетворительны.²

В настоящее время нефтяные компании, представленные Казахстаном, с меньшим энтузиазмом относятся к разведке нефти и

¹中国、伊朗参与建设哈萨克斯坦炼油厂[EB/OL]. 商务部网站, 2015-10-20, <http://www.ccin.com.cn/ccin/news/2015/10/20/324392.shtml>. (Дата обращения 23.02.2020)

²黄永章. 中国石油海外炼油项目技术路线回顾与展望[J]. 中外能源, 2012, 17(12): 69-73.

газа, и темпы роста инвестиций в области разведки нефти и газа намного ниже, чем в разработку¹. Поэтому для поддержания добычи нефти и газа в Казахстане необходимо поощрять местные компании и иностранные инвестиции вкладывать средства в геологоразведку. А китайские технологии в разведке нефти и газа занимают лидирующее место в мире, особенно затраты на разведку и добычу в китайских энергетических компаниях близки к передовому уровню в мире.

Энергия в Центральной Азии имеет не только большое экономическое, но также и политическое значение. Борьба за экспорт среднеазиатских энергоносителей между крупнейшими державами мира носит острый характер. У разных стран разные цели в Центральной Азии. Например, главная цель России - контролировать поток нефти в Центральной Азии, усиливать центростремительные тенденции в СНГ. Страны Центральной Азии хотят диверсифицировать производство энергии, в то время как Россия хочет полностью контролировать производство энергии в Центральной Азии. Хотя большинство стран Центральной Азии согласились с требованиями России, они продолжают стремиться к сотрудничеству с другими странами, что предоставляет Китаю и Центральной Азии редкую историческую возможность сотрудничать в строительстве нефтепроводов и газопроводов².

Можно сказать, что среди пяти стран Центральной Азии энергетическое сотрудничество между Казахстаном и Китаем является самым ранним и самым крупным. Благодаря энергетическому диалогу энергетическое сотрудничество между Казахстаном и Китаем стремительно развивается, становясь моделью энергетического сотрудничества между странами Центральной Азии и Китаем.

¹ Government of the Republic of Kazakhstan. Kazakhstan Energy Development Program Government Order No. 724 Issued 28th June, 2014 [EB/OL]. 2014-06-28, <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000724>. (Дата обращения 23.02.2020)

² 寇忠. 中亚输气管道建设的背景及意义[J]. 国际石油经济, 2008, 2: 43-49, 84.

Библиографический список

明海会. 哈萨克斯坦天然气工业综述及哈中合作建议[J]. 新疆石油地质, 2013, 34(4): 491-495.

黄永章. 中国石油海外炼油项目技术路线回顾与展望[J]. 中外能源, 2012, 17(12): 69-73.

赵祎诚. 中国与中亚国家油气管道合作的回顾、前景及合作机制的法律特点[J]. 金卡工程·经济与法, 2009, 7: 161.

寇忠. 中亚输气管道建设的背景及意义[J]. 国际石油经济, 2008, 2: 43-49, 84.

Сведения об авторе: Чэнь Цзюаньцзюань – магистр в области Зарубежного регионоведения, Хэйлунцзянский университет, Харбин, КНР (okcanacj@yandex.ru).

References

Minhaj Huej. Obzor gazovoj otrasli Kazahstana i predlozheniya po sotrudnichestvu mezhdou Kazahstanom i Kitaem [Dzh.]. Sin'czyan Petroleum Geologiya, 2013, 34 (4): 491-495.

Huan Yunchzhan. Obzor i perspektiva tekhnicheskogo marshruta zarubezhnogo proekta neftepererabotki PetroChina [J]. Sino-Foreign Energy, 2012, 17 (12): 69-73.

Chzhao Ichen, Obzor, perspektivy i pravovye osobennosti mekhanizma sotrudnichestva neftegazoprovodnogo sotrudnichestva mezhdou Kitaem i stranami Central'noj Azii [Dzh.]. Jinka Engineering Ekonomika i pravo, 2009, 7: 161.

Kou Chzhun. Predposylki i znachenie stroitel'stva gazoprovoda v Central'noj Azii [J.]. International Petroleum Economics, 2008, 2: 43-49, 84.

About the author: Chen Juanjuan - Master of Science in Regional Studies, Heilongjiang University, Harbin, China (okcanacj@yandex.ru).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОТНОШЕНИЙ КНР И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Н.А. Милованова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан традиционно поддерживаются тесные контакты на высшем уровне, систематически углубляется взаимное политическое доверие, всесторонне осуществляется прагматическое сотрудничество, а также активно развиваются гуманитарные обмены. Китай и Казахстан являются собой наглядный пример добрососедства и надежного партнерства. Между лидерами двух стран налажены стабильные рабочие отношения. За 29 лет с момента обретения независимости Казахстана благодаря личной заинтересованности и совместному продвижению Первым Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым и лидерами Китая отношения между Китаем и Казахстаном выдержали испытание временем и перемены в мировом сообществе. От установления дипломатических отношений в 1992 г. до подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 2002 г., от установления стратегического партнерства в 2005 г. до развития всестороннего стратегического партнерства в 2011 г., шаг за шагом, китайско-казахстанские отношения постоянно переходят на качественно новый уровень. Политико-правовая база отношений между КНР и РК также весьма многоаспектна. Казахстан решил отказаться от ядерного оружия, и Китай стал одной из стран, которые пообещали Казахстану ядерную защиту. Китай высоко ценит усилия Казахстана по созданию безъядерной зоны в Центральной Азии и вклад в создание Банка низкообогащенного урана МАГАТЭ в Казахстане. Китай и Казахстан тесно взаимодействуют в рамках многосторонних механизмов таких, как ООН, ШОС, СВМДА и др., тесно сотрудничают в борьбе с «тремя силами зла» и обеспечении региональной безопасности и стабильности, совместно прилагают усилия по обеспечению международной справедливости, содействию экономической глобализации и поддержке многосторонней торговой системой, и стремятся к тому, чтобы международный порядок и международная система развивались в более справедливом и рациональном направлении. В рамках данного исследования постараемся определить основные концептуальные направления взаимоотношений между РК и КНР на текущий момент исторического развития геополитической обстановки в мире.

Ключевые слова: Казахстан, КНР, право, политика, дипломатия, сотрудничество.

CONCEPT BASIS OF THE CHINA-KAZAKHSTAN RELATIONS

N.A. Milovanova

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. Close contacts at the highest level are traditionally maintained between the People's Republic of China and the Republic of Kazakhstan, mutual political trust is systematically deepening, pragmatic cooperation is comprehensively carried out, and humanitarian exchanges are actively developing. China and Kazakhstan are a good example of good-neighborliness and reliable partnership. A stable working relationship has been established between the leaders of the two countries. Over the 29 years since Kazakhstan gained independence, thanks to the personal interest and joint promotion of the First President of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev, and the leaders of China, relations between China and Kazakhstan have stood the test of time and changes in the world community. From the establishment of diplomatic relations in 1992 to the signing of the Treaty on Good Neighborliness, Friendship and Cooperation in 2002, from the establishment of a strategic partnership in 2005 to the development of a comprehensive strategic partnership in 2011, step by step, the Chinese-Kazakh relations are constantly moving to a qualitatively new level. ... The political and legal framework for relations between the PRC and the ROK is also very multifaceted. Kazakhstan decided to abandon nuclear weapons, and China became one of the

countries that promised Kazakhstan nuclear protection. China highly appreciates Kazakhstan's efforts to create a nuclear-free zone in Central Asia and its contribution to the establishment of the IAEA Low-Enriched Uranium Bank in Kazakhstan. China and Kazakhstan closely interact within the framework of multilateral mechanisms such as the UN, SCO, CICA and others, closely cooperate in the fight against the "three forces of evil" and ensure regional security and stability, jointly make efforts to ensure international justice, promote economic globalization and support of the multilateral trading system, and strive to ensure that the international order and the international system develop in a fairer and more rational direction. Within the framework of this study, we will try to determine the main conceptual directions of relations between the Republic of Kazakhstan and the PRC at the current moment in the historical development of the geopolitical situation in the world.

Keywords: Kazakhstan, China, law, politics, diplomacy, cooperation.

Политико-правовая база сотрудничества двух стран

Для анализа и выявления основных пунктов экономических отношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой необходимо провести разбор политико-правовой базы сотрудничества между государствами.

Российский исследователь И.С. Виноградов под китайско-казахстанскими отношениями понимает преемственные отношения между историческим Китаем и казахами вплоть до современных отношений между КНР и Казахстаном. Казахстан признает, что КНР представляет весь Китай, и поддерживает объединение Китая с о. Тайвань [Micklin 2017: 37] Коммунистическая партия Китая и казахстанский Нур Отан имеют широкие связи. Китай заявляет, что политические и гуманитарные контакты между двумя сторонами являются необходимой частью внешнеполитических отношений, и политика КНР направлена на укрепление внешнеполитических связей и экономического сотрудничества [Fesharaki 2018: 67]. Для обоснования и юридического закрепления двусторонних отношений КНР и РК в обоюдном порядке развивают нормативно-правовую базу.

Таковыми документами являются:

- Совместные заявления РК и КНР;
- Соглашения между Правительством РК и Правительством КНР по взаимодействию в предотвращении незаконного перемещения ядерных материалов, радиоактивных материалов, радиоактивных отходов и радиационно-опасных предметов;

- Рамочные соглашения между Правительством РК и Правительством КНР о предоставлении КНР льготного кредита;¹

- Меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве между Министерством финансов РК и Министерством финансов КНР;

- Меморандумы о взаимопонимании между Министерством по инвестициям и развитию РК и Государственным комитетом по развитию и реформам КНР по совместной разработке китайско-казахстанского плана сотрудничества в сфере производственных мощностей и инвестиций;²

- Меморандумы о взаимопонимании между Министерством по инвестициям и развитию РК и Государственным комитетом по развитию и реформам КНР по утверждению перечня совместных проектов в сфере индустриализации и инвестиций, и механизмов его формирования;

- Меморандумы о сотрудничестве в сфере электронной коммерции между Министерством национальной экономики РК и Министерством коммерции КНР;³

¹ Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о предоставлении Китайской Народной Республики льготного кредита Республике Казахстан.

² Соглашение о предоставлении безвозмездной помощи Правительством Китайской Народной Республики Правительству Республики Казахстан 1995 г

³ Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области антимонопольной политики и борьбы с недобросовестной конкуренцией. 1991 г

- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики об избежании двойного налогообложения и предотвращения уклонения от налогообложения в отношении налогов на доход;⁴

- Протоколы между Министерством сельского хозяйства РК и Главным таможенным управлением КНР по инспекционным, карантинным и ветеринарно-санитарным требованиям по говядине, экспортируемой из Казахстана в Кита;

- Протоколы санитарных и фитосанитарных требований к экспорту сена люцерны из РК в КНР между Министерством сельского хозяйства РК и Главным таможенным управлением КНР;

Между государствами идет тесное дипломатическое общение и экономическая кооперация, каждый год заключаются новые и дорабатываются имеющиеся правовые и иные документы и соглашения.[Bergsten 2018: 106].

Китайско-казахстанские отношения основаны на широкой политико-правовой базе сотрудничества. КНР стала третьим государством, признавшим независимость Республики Казахстан, где 3 января 1992 года были установлены дипломатические отношения и произведен обмен на уровне посольств стран КНР и РК. Были заключены «Совместная декларация об установлении дружественных взаимоотношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой» от 18 октября 1993 г., «Совместная декларация о дальнейшем развитии и углублении дружественных взаимоотношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой» от 11 сентября 1995 г., «Соглашение между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстано-китайской государственной границе» от 26 апреля 1994 г.,

«Дополнительные соглашения о китайско-казахстанской государственной границе» от 1997 и 1998 гг.

Дипломатическое соглашение между странами имеет значимую политико-правовую ценность для развития отношений между государствами, так как включается в себя ряд основополагающих пунктов для составления дипломатических и экономических связей.

Договорно-правовая база двусторонних отношений Китая и Казахстана поддерживает широкий спектр китайско-казахстанских контактов.

На данный момент действует китайско-казахстанский Комитет по сотрудничеству двух стран под со председательством заместителей глав правительств двух стран: первый заместитель Премьер-Министра РК и заместителя Госсовета КНР. В состав КС входят 11 специализированных подкомитетов (по торгово-экономическому сотрудничеству, по сотрудничеству в области транспорта, по сотрудничеству в области железнодорожного транспорта, по сотрудничеству между контрольно-пропускными пунктами и в области таможни, по научно-техническому сотрудничеству,⁵ по финансовому сотрудничеству, энергетическому сотрудничеству, сотрудничеству в области геологии и недропользования, культурному и гуманитарному сотрудничеству, сотрудничеству в области безопасности), а также Комиссии по использованию и защите трансграничных рек и Комиссии по сотрудничеству в области защиты окружающей среды.⁶

На данный момент количество соглашений и протоколов между КНР и Казахстаном насчитывают более двухсот юридических документов, что говорит о тесном и продуктивном сотрудничестве между двумя государствами.⁷

⁴ Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики об избежании двойного налогообложения и предотвращения уклонения от налогообложения в отношении налогов на доход. 1992г

⁵ Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о научно-техническом сотрудничестве.

⁶ Информационно-правовая системанормативных правовых актов Республики Казахстан (Дата обращения: 20.02.2020)

⁷ Информационно-правовая системанормативных правовых актов Республики Казахстан (Дата обращения: 20.02.2020)

Если соглашения, подписанные Пекином и Астаной в 1990-х гг., были в основном дипломатическими (в рамках стратегии «добрососедства» и урегулирования пограничных споров), то с началом XXI в. они приобрели очевидно более экономический контент. В июне 2003 г. по случаю визита Ху Цзиньтао в Казахстан была принята программа сотрудничества между двумя странами на период 2003-2008 гг. Визит Нурсултана Назарбаева в Китай в декабре 2006 г. привел к подписанию «стратегии сотрудничества на XXI век» и «плана экономического сотрудничества между Казахстаном и Китаем». Наконец, еще один визит Ху Цзиньтао в Астану в августе 2007 г. ознаменовался Подписание программы двустороннего сотрудничества в секторах экономики, не связанных с сырьем, дополненных Меморандумом о сотрудничестве на следующие три года (2008-2010 гг.). В апреле 2008 г. Премьер-министр Казахстана Карим Масимов выступил с этим программы на форуме китайско-казахстанских бизнесменов. Для казахстанской экономики значительны ставки: важно избежать чрезмерной специализации в экспорте сырья и максимизировать рост закупок технологий из Китая.

Для стимулирования торговли было создано несколько двусторонних комитетов. Основным является Китайско-Казахстанский комитет по сотрудничеству, созданный в 2004 г. и возглавляемый премьер-министрами Китая и Казахстана. В него входят около десятка специализированных подкомитетов, например, по финансам, биотехнологии, нефти и газу и использованию ядерной энергетики в гражданских целях.⁸ В некоторых кругах его критикуют за отсутствие прозрачности и, как следствие, возможность того, что китайские власти могут купить решения в своих интересах.

⁸ Девять документов подписали Казахстан и Китай на встрече Назарбаева и Си Цзиньпина URL: <https://informburo.kz/novosti/devyat-dokumentov-podpisali-kazahstan-i-kitay-vo-vremya-vstrechi-nazarbaeva-i-si-czinpina.html> (Дата обращения: 19.05.2020)

Двусторонние отношения КНР и РК в настоящий момент регламентируются широким перечнем соглашений и договоров, заключённых между президентом Казахстана К.-ж. Токаевым и Председателем КНР Си Цзиньпином в ходе визита главы Казахстана в КНР 11 сентября 2019 г.

По результатам этого визита Казахстан и Китай подписали следующие документы:

Соглашение между Правительством РК и Правительством КНР о сотрудничестве в области авиационного поиска и спасения гражданских воздушных судов;

Меморандум о взаимопонимании между Правительством РК и Правительством КНР о реализации Плана сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики «Нұрлы жол» и строительства «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПП) Документ включает положения об основах сотрудничества, принципы, а также видение перспектив и приоритетов сотрудничества двух стран.

Китаем и республикой Казахстан были выделены основные приоритетные направления, такие как: сфера транспортной инфраструктуры по маршруту с северо-западного края до юго-восточного побережья Китая, а также повышению пропускной способности автомобильных и железных дорог обоих государств⁹;

Соглашение между Правительством РК и Правительством КНР о сотрудничестве по проекту предоставления суперкомпьютера казахстанской стороне Правительством КНР¹⁰;

⁹ О подписании Плана сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики "Нұрлы Жол" и строительства "Экономического пояса Шелкового пути" между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики URL: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premier_ministr_rk/mejdunapodnyie_otnosheniya_respubliki_kazahstan/id-P1600000518/ (Дата обращения: 16.05.2020)

¹⁰ Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве по предоставлению суперкомпьютера Правительством Китайской Народной Республики URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35980194#pos=38;-44 (Дата обращения: 16.05.2020)

Меморандум о взаимопонимании между Министерством торговли и интеграции РК и Министерством коммерции КНР;

Протокол между Министерством сельского хозяйства РК и Главным таможенным управлением КНР по инспекционным, карантинным и ветеринарно-санитарным требованиям, предъявляемым к молочной продукции, экспортируемой из РК в КНР;

Протокол между Министерством сельского хозяйства РК и Главным таможенным управлением КНР по инспекционным, карантинным и ветеринарно-санитарным требованиям, предъявляемым к шерстяному сырью, экспортируемому из РК в КНР;

Меморандум между Министерством финансов РК и Главным таможенным управлением КНР по укреплению сотрудничества в области приграничной защиты прав интеллектуальной собственности;

Протокол между Министерством сельского хозяйства РК и Главным таможенным управлением КНР по инспекционным, карантинным и ветеринарно-санитарным требованиям, предъявляемым ко льну, экспортируемому из РК в КНР;

Техническая спецификация обмена предварительной информацией о товарах и транспортных средствах, перемещаемых через таможенные границы Республики Казахстан и Китайской Народной Республики¹¹.

Таким образом, можем сделать вывод о широком спектре сотрудничества между КНР и РК, включающем в себя практически все сферы современного хозяйства.

Исторический контекст развития отношений

Китайско-казахстанские отношения имеют глубокий исторический контекст, обусловленный близостью географического положения.

Ряд исследователей условно делит становление и развитие казахстанско-

китайских отношений на несколько этапов [Лян Чжэньпэн 2017: 18-19].

Первым этапом выделяются годы после установления дипломатических отношений, период установления политических связей. В данный этап формируется нормативно-правовая база двусторонних отношений, составляются основополагающие документы, которые затрагивают наиболее важные и спорные моменты взаимоотношений. Одна из первых договорно-правовых баз, определяющих принципы взаимоотношений двух государств – Совместная Декларация об основах дружественных взаимоотношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой – была подписана в ходе встречи Н. Назарбаева с Цзянь Цзэмином в 1993 г. в Пекине. На основе подписанного документа стороны незамедлительно взялись за решение проблемных вопросов, оставшихся в наследство от советско-китайских отношений.

Вторым этапом выделяется середина 1990-х гг. В течение данного периода происходит взаимодействие сторон для фактического решения вопросов двусторонних отношений. Важным блоком стоят вопросы о делимитации границ, вопросы торгово-экономического характера, вопросы безопасности.

Третий этап – со второй половины 1990-х гг. по настоящее время., во время которого формируются взаимоотношения между КНР и РК в многостороннем формате относительно интеграции в региональные процессы.

В советское время экономические отношения между центрально-азиатскими союзными республиками СССР и КНР были крайне ограничены: в основном, эти республики импортировали скот и сырье из Синьцзяна и экспортировали промышленные товары и оборудование. Было открыто несколько пограничных постов, закрытых для частных лиц, таких как Хоргос, Бахтян и Майкапчагай. В то время как реки Или и Иртыш использовались для коммерческого речного транспорта. Строительство железной дороги, соединяющей Урумчи и Алма-Ату,

¹¹ Казахстан. Китай. Внешнеэкономсвязи, политика. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=3119347 (Дата обращения: 19.05.2020)

началось в период китайско-советской дружбы, но было прервано конфликтом между двумя коммунистическими державами. В 1988 г., еще до визита М. Горбачева в Пекин, Советский Союз и КНР подписали соглашение, разрешающее гражданам их приграничных районов пересекать границу без визы. Казахская и Киргизская Советские Социалистические Республики были тогда побратимами Синьцзяна, и произошло первое трансграничное перемещение людей и товаров, главным образом среди мелких торговцев казахами, киргизами, дунганями и уйгурами. В декабре 1991 г. китайская делегация, в составе министра торговли и внешнеэкономических связей совершила первый официальный визит в недавно обретшие независимость республики Центральной Азии. По мнению экспертов, эта поездка предвещала решительное возвращение Китая в регион [Kassymova 2017: 89].

В период с 1991 по 1995 год в Казахстане произошел экономический спад. Экономика страны находилась в условиях высокой инфляции, дисбаланса в доходах и расходах бюджета, стабильного дефицита бюджета, роста цен на энергоносители и неконтролируемого монополизма производителей. Мягкая денежно-кредитная политика плюс либерализация цен, в рамках которой цены поднялись до мировых показателей, привели к гиперинфляции, которая в 1992 г. превысила 2500%. Казахстану в этих условиях было необходимо разработать жесткую финансово-денежную политику, а также ввести собственную национальную валюту.

Развал Советского Союза в 1991 г. позволил государствам Центральной Азии вновь «открыть» для себя китайское соседство, исключенное из экономической и культурной реальности региона в годы китайско-советского конфликта. Менее чем за два десятилетия Пекин воспользовался исчезновением своего советского конкурента, запустив свою программу «Великого развития» западных регионов страны, в то время как государства Центральной Азии, стремясь найти новых партнеров, пытаются извлечь выгоду из

динамической интеграции Китая в азиатско-тихоокеанскую зону процветания. В то время как политику КНР в отношении остальных четырех центральноазиатских республик бывшего СССР можно назвать рабочими, Казахстан обладает особым статусом. Это выражается в том, что китайско-казахстанское партнерство называется «стратегическим», самым высоким из дипломатических эпитетов, подтверждая, что Астана является главным политическим союзником. Пекина в постсоветском регионе, в котором руководство РК демонстрирует сбалансированную и диверсифицированную политику. Впрочем, этому косвенным образом способствует также политика Российской Федерации, не всегда отличающаяся решительностью в регионе, в отличие от того же Китая.

Стратегическое китайско-казахстанское партнерство основано на солидном экономическом фундаменте. В настоящее время торговля между Китаем и Казахстаном составляет более двух третей (около 70%) всей торговли между Китаем и Центральной Азией. В отличие от другого исторически значимого лидера в регионе, президента Узбекистана И. Каримова, первый президент Казахстана Н. Назарбаев, начиная уже с 1989 г., провел важные реформы в области экономической либерализации, которые, несмотря на их частичную незавершенность, в настоящее время способствуют привлечению иностранных инвестиций. Казахстан, таким образом, становится второй страной на постсоветском пространстве по объему ВВП, оцениваемым в 27400 долл. на душу населения в 2019 г. Страна уступает лишь России (примерно 29 000 долл.), но опережает другие страны Центральной Азии (от 5500 у Киргизии до 15700 долл. у Туркменистана).¹² Что интересно, по объему ВВП на душу населения (или по паритету покупательной способности – ППС) Казахстан обгоняет даже сам Китай (у которого данный показатель составляет 16700 долл.). Правда, здесь необходимо

¹² GDP per capita, PPP (current international \$) URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>

учитывать колоссальную разницу в количестве населения двух стран. За последние 15 лет Казахстану удалось сократить вдвое долю своего населения, живущего за чертой бедности (в настоящее время менее 15 %), в то время как в остальных четырех постсоветских республиках этого региона от трети до половины населения по-прежнему считается «бедным» [Султанов 2018: 79]. Кроме того, в стране появился средний класс, гарантия долгосрочной стабильности.

Взаимодействие Казахстана и Китая не ограничивается двусторонним форматом, наши страны поддерживают хорошую координацию и согласование в рамках международных организаций: ООН, ШОС, СВМДА. Китайская сторона придает большое значение и оказывает всестороннюю поддержку инициированной Главой Казахстана СВМДА и принимает активное участие во всех заседаниях, проходящих в рамках данной организации.

Таким образом, стержнем взаимоотношений между РК и КНР выступает развитие многостороннего и долгосрочного сотрудничества. Сегодня, наряду с успешными политическими и социально-экономическими отношениями, плодотворно развиваются и культурные связи. В сфере безопасности между Казахстаном и Китаем сохраняются широкий консенсус и взаимодействие, обе страны внесли значительный вклад в поддержание мира и стабильности.

Библиографический список

Bergsten F., Freeman Ch., Lardy N., Mitchell D. China's Rise. Challenges and Opportunities. Washington, DC, Peterson Institute for International Economics, Center for Strategic and International Studies, 2018. – 288 P.

Fesharaki F., Wu K. Outlook for Energy Demand, Supply, and Government Policies in China. Honolulu: East-West Center, 2018. – 67 p.

Kassymova D., Kundakbayeva Z., Markus U. Economy // Historical Dictionary of Kazakhstan. — Lanham, Toronto, Plymouth: The Scarecrow Press, Inc, 2017. – 362 P. .

Micklin P. Managing Water in Central Asia // CACP Key Paper, RIIA, London, 2017. – 72 P.

Лян Чжэньпэн. Китайская дипломатия в Центральной Азии в 1990-е годы // Социально-политические науки. 2017. №1. – с. 17-21

Султанов К.С. Реформы в Казахстане и Китае. / Особенности. Сходства, Различия. Успехи. Проблемы. Астана: Елорда, 2018г. – 472 с.

Сведения об авторе: Милованова Наталья Александровна – Магистр в области международных отношений РУДН (cruger999@yandex.ru).

References

Bergsten F., Freeman Ch., Lardy N., Mitchell D. China's Rise. Challenges and Opportunities. Washington, DC, Peterson Institute for International Economics, Center for Strategic and International Studies, 2018. – 288 P.

Fesharaki F., Wu K. Outlook for Energy Demand, Supply, and Government Policies in China. Honolulu: East-West Center, 2018. – 67 p.

Kassymova D., Kundakbayeva Z., Markus U. Economy // Historical Dictionary of Kazakhstan. — Lanham, Toronto, Plymouth: The Scarecrow Press, Inc, 2017. – 362 P.

Micklin P. Managing Water in Central Asia // CACP Key Paper, RIIA, London, 2017. 72 P.

Ljan Chzhjen'pien. Kitajskaja diplomatija v Central'noj Azii v 1990-e gody // Social'no-politicheskie nauki. 2017. №1. – p. 17-21

Sultanov K.S. Reformy v Kazahstane i Kitae. / Osobennosti. Shodstva, Razlichija. Uspehi. Problemy. Astana: Elorda, 2018g. – 472 s.

About the author: Milovanova Natalya Aleksandrovna - Master in International Relations, RUDN University (cruger999@yandex.ru).

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.С. Касенова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Терроризм на сегодня стал в один ряд с такими глобальными проблемами как голод, нищета, таяние ледников, разоружение и т.д. Этот факт можно объяснить процессами глобализации и взаимодействиями в различных сферах, происходящими в современном мире. Данная угроза исходит как от отдельных личностей, так и от целых группировок, которые имеют огромные сети по всему миру. Некоторые регионы становятся важными в вопросах международной безопасности. В последние годы на территории центральноазиатского региона участились случаи терроризма, который очень часто связывают с религией. В связи с этим руководства стран региона принимают различные меры по борьбе с радикализмом, который ведет к губительным для всех стран действиям. В статье рассматриваются особенности борьбы с терроризмом на территории Центральной Азии. В современных условиях деятельность по борьбе с терроризмом может быть достигнута лишь путем решительных и безотлагательных мер. Для успешной разработки стратегии по борьбе с терроризмом необходимо опираться на опыт других стран, а также на опыт предыдущих лет.

Также были рассмотрены вопросы сотрудничества стран региона с различными организациями и государствами в совместной борьбе против терроризма и экстремизма. Кроме того, анализируются подходы стран Центральной Азии к понятию терроризма, террористического акта и террористической организации, механизмы определения государственными органами власти наличия или отсутствия террористической угрозы. В статье делается попытка анализа контртеррористической политики Казахстана, где распространение терроризма происходит не такими быстрыми темпами, как в других странах региона, но несмотря на это государство ведет активную борьбу с данной угрозой.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, борьба, террористический акт, Центральная Азия.

COUNTERTERRORISM IN CENTRAL ASIA

A.S. Kassenova

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. Terrorism today has become one of the global problems such as hunger, poverty, melting glaciers, disarmament, etc. This fact can be explained by the processes of globalization and interactions in various spheres taking place in the modern world. This threat comes both from individuals and from entire groups that have huge networks around the world. Some regions are becoming important for international security. In recent years, cases of terrorism, which is often associated with religion, have become more frequent in the Central Asian region. In this regard, the leadership of the countries of the region is taking various measures to combat radicalism, which leads to disastrous actions for all countries. The article deals with the specifics of the fight against terrorism in Central Asia. In modern conditions, the fight against terrorism can only be achieved through decisive and urgent measures. To successfully develop a strategy to combat terrorism, it is necessary to draw on the experience of other countries, as well as on the experience of previous years. They also discussed issues of cooperation between the countries of the region with various organizations and States in the joint fight against terrorism and extremism. In addition, the article analyzes the approaches of Central Asian countries to the concept of terrorism, terrorist act and terrorist organization, as well as the mechanisms for determining the presence or absence of a terrorist threat by state authorities. The article attempts to analyze the counter-terrorism policy of Kazakhstan, where the spread of terrorism is not as fast as in other countries of the region, but despite this, the state is actively fighting this threat.

Keywords: terrorism, extremism, struggle, terrorist act, Central Asia

В связи с атаками 11 сентября и появлением партнерства США в области безопасности с несколькими государствами центрально-азиатского региона возникает много вопросов о том, что это значит для перспектив демократических реформ во всех странах региона. Увеличение присутствия в США вряд ли изменит траектории политических событий в регионе. [Olcott 2003: 4]

С открытием баз США в Узбекистане и Кыргызстане и предоставлением более ограниченных прав на высадку США в Казахстане и Таджикистане, существует законная причина для беспокойства о том, что лидеры в Вашингтоне и других западных столицах могут более неохотно поддерживать государства региона в демократических нормах, из-за боязни политической неопределенности. В конце концов, как это иногда грубо говорится, лучше иметь дело с дьяволом, которого вы знаете, чем с тем, кого вы не знаете.

Однако этот аргумент очень опасен и слишком легко позволяет лидерам Центральной Азии сорваться с крючка. В случае Узбекистана более тесное сотрудничество с США делает режим по крайней мере экспериментом с ограниченной демократической реформой.

Пустота власти и распад гражданского общества, которые сделали Афганистан привлекательной средой для сети Аль-Каиды¹, потребовались годы, чтобы развить и продвигать нестабильность в соседних государствах. Уборка остатков террористической сети в Афганистане дает государствам Центральной Азии шанс на светлое будущее, но сама по себе не устраняет или даже существенно не минимизирует опасности от их собственных внутренних угроз безопасности. Чтобы минимизировать такие риски, США должны усерднее работать, чтобы придерживать в этих государствах демократические нормы. Это лучший способ продвижения интересов национальной безопасности США, особенно в среднесрочной и долгосрочной перспективе и это лучший способ для

государств обеспечить их долгосрочное выживание.

В Вашингтоне слишком часто утверждают, что жителям Центральной Азии не следует ожидать развития демократических политических систем, что они неспособны поддерживать демократические институты из-за их исторического развития.

Хотя независимость может бесконечно приносить пользу правящим классам, со временем обычные граждане, скорее всего, воспримут независимость как нечто хитрое. Для них единственная реальная разница в их жизни — это изменение психологического статуса и эфемерные выгоды, которые это обеспечивают. Но воспринимаемое психологическое расширение со временем уменьшается.

События в Центральной Азии все больше напоминают процесс деколонизации, который произошел в некоторых частях Африки к югу от Сахары, где за последние сорок лет ряд штатов откатился назад от уровня развития, которым их население обладало во время независимости или сразу после нее. Лидеры Центральной Азии любят утверждать, что это заняло более двух ста лет для США развить свою демократическую форму правления и что политики США должны быть более терпеливыми с ними. Это правда, что каждая нация должна развивать демократические политические институты, которые соответствуют ее культурному и историческому прошлому [Ланцов 2004: 7]. Эта эволюция часто медленный процесс. Однако, политические системы должны базироваться в часть о преобладающих демократических нормах и о базовом уважении и соблюдении прав человека.

Сейчас, как никогда ранее, мы живем в эпоху глобальной информации, и люди по всей Центральной Азии знают о политических ценностях этой глобальной культуры. Конечно, правительства могут быть созданы на принципах, которые нарушают эти нормы и пугают своих граждан подчинением. Но может быть дорого преследовать правозащитников в Центральной Азии. Если те, кто

¹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

придерживается демократических политических ценностей, будут вынуждены уйти в подполье, гораздо труднее будет создать в этом обществе стабильные светские общества.

29 июля 2018 г. два американца, один голландец и один швейцарский велосипедисты были убиты на юге Таджикистана. Два дня спустя Амак, СМИ Исламского государства¹, опубликовали видео злоумышленников, которые клялись в верности лидеру группы Абу Бакру аль-Багдади и констатируя их цель «установить правила Всевышнего на этой земле».² Это было первое нападение на западных туристов в регионе почти за 20 лет и первая атака внутри региона, которая была связана с ИГИЛ. Жители Центральной Азии также сделали заголовки с серией нападений за пределами региона.

В 2017 г. граждане из региона были замешаны в громких террористических нападениях в Нью-Йорке, Стокгольме, Стамбуле и Санкт-Петербурге. К 2017 г. русскоязычные считались самой большой группой иностранных боевиков в Сирии и Ираке, превосходя по численности всех остальных. Русскоязычные в основном являлись выходцы с Центральной Азии³. Некоторые новобранцы поднимались на позиции власти в иностранных террористических организациях. Например, после того как в мае 2015 г. полковник Г. Халимов, начальник Военизированной полиции Таджикистана перешел на сторону ИГИЛ, он сразу стал военным министром Исламского государства.

Как и в предыдущих инцидентах, эти события привели к тому, что Wall Street Journal и Business Insider стали писать о том, что регион становится «растущим

источником терроризма» и «благодатной почвой» для найма⁴.

Однако, несмотря на давний рассказ о том, что регион становится горячей точкой терроризма, террористической угрозы в самой Центральной Азии остаются ограниченными. В Центральной Азии только 19 атак, которые были инициированными негосударственными субъектами и названные правительством терроризмом произошли с 2008 г. в результате чего погибло 142 человека, что считается маленьким количеством по сравнению со всем миром. 0,05% населения региона присоединились к террористическим группам.

Конечно, террористическая угроза в Центральной Азии «реальность, которую нельзя игнорировать», как считают аналитики.

Режимы Центральной Азии поймали между желанием использовать угрозу для оправдания репрессий против других оппозиционных групп, по сценарию Таджикистана, и преуменьшить вопрос, для демонстрации своего контроля, например, в Узбекистане.

В последнее десятилетие усилия правительства по борьбе с экстремизмом и терроризмом привели к гораздо большему числу жертв, чем сам терроризм. Поскольку тема терроризма настолько политизирована, важно признать пределы того, что мы можем на самом деле знать о причинах и степени транснациональной угрозы, исходящая из Центральной Азии.

Многие советологи рассматривали Центральную Азию как мягкое подбрюшье СССР благодаря своему непокорному мусульманскому населению. После введения войск в 1979 г. в Афганистан, советский эксперты по Центральной Азии, А. Беннигсен писал, что "мусульманская община готова к неизбежному столкновению с советским правительством".

¹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

² "Tajikistan Blames Banned Party for Attack on Foreign Cyclists; IS Posts Video," *RFE/RL*, 31 August 2018, // URL: <https://www.rferl.org/a/tajik-government-blames-banned-islamist-party-for-deadly-attack-on-foreign-cyclists/29400539.html>.

³ Richard Barrett, *Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees* (New York: The Soufan Center, October 2017), // URL: <http://thesoufancenter.org/research/beyond-caliphate/>.

⁴ Jessica Donati and Paul Sonne, "New York Attack Underlines Central Asia as Growing Source of Terrorism," *Wall Street Journal*, 31 October 2017, // URL: <https://www.wsj.com/articles/new-york-attack-underlines-central-asia-as-growing-source-of-terrorism-1509508624>.

После независимости от Советского Союза регион формировался как «потенциально один из самых взрывоопасных» в мире и рассматривались способы «успокоения» местной напряженности, особенно потенциал религиозного экстремизма.

Пока ни произошло ни одно из самых мрачных предсказаний, в течение первых 15 лет независимой Центральной Азии, исламское движение Узбекистан (ИДУ) и его ответвление Исламский Союз Джихад (ИСД) представлял наиболее значимую террористическую угрозу региону. В 1999 и 2000 гг. ИДУ возглавил вооруженные вторжения в пострадавший от войны Таджикистан, в Кыргызстан, и Узбекистан, взяв людей в заложники. После этой неудачи ИДУ отступило в Афганистан, где оно понесло тяжелые потери.

Узбекское правительство обвинило ИДУ во взрыве в Ташкенте в 1999 г. и ИСД взял на себя ответственность за нападения в Бухаре и Ташкенте в 2004 г. К 2013 г. ИДУ и ИСД имели по примерным оценкам около 3000 бойцов. [Jozef Lang 2013: 3].

Через границу в Таджикистане правительство боролось с бывшими командирами, которые не приняли мирное соглашение 1997 г., в котором оппозиция согласилась сложить оружие в обмен на получение 30% государственных должностей, и провел серию нападений в период с 1997 по 2001 год. Как минимум 145 людей были убиты в результате этого насилия по всему региону.

В период с 2008 по 2018 год террористы организовали 19 смертельных атак в Центральной Азии. Эта цифра включает в себя атаки, которые привели к одной или нескольким смертям, включая самих террористов.

С 2008 г. 138 человек погибли в результате терактов, большинство из которых представители правоохранительных органов и террористических групп, с 11 жертвами среди гражданского населения. Половина этих инцидентов произошла в самом процветающем государстве региона, Казахстане, с более чем половиной смертей в Таджикистане. Чтобы представить эти

цифры в перспективе, за тот же период 11 553 человека погибло в несчастных случаях в одном только Кыргызстане¹.

¹ Zarina Satybaldieva, "Number of Traffic Accidents on the Rise in Kyrgyzstan," Times of Central Asia, 11 November 2017, // URL: <https://www.timesca.com/index.php/news/18911-number-of-traffic-accidents-on-the-rise-in-kyrgyzstan>.

Террористические атаки в Центральной Азии (2008–2018)

Дата	Страна	Место	Тип	Количество смертей
19 апреля 2009 г.	Таджикистан	Исфара	Убийство полицейских	1
26 мая 2009 г.	Узбекистан	Ханабад, Андижан	Вооруженное нападение, террорист самоубийца	2
3 сентября 2010 г.	Таджикистан	Худжанж	Террорист самоубийца	4
19 сентября 2010 г.	Таджикистан	Камароб	Вооруженное нападение	25
17 мая 2011 г.	Казахстан	Актобе	Террорист самоубийца	1
23 мая 2011 г.	Казахстан	Астана	Террорист самоубийца	1
1 июля 2011 г.	Казахстан	Актобе	Вооруженное нападение	3
31 октября 2011 г.	Казахстан	Атырау	Террорист самоубийца	1
8 ноября 2011 г.	Казахстан	Алматы	Вооруженное нападение	1
12 ноября 2011 г.	Казахстан	Тараз	Вооруженное нападение	7
21 июля 2012 г.	Таджикистан	Хорог	Убийство	1
30 июля 2012 г.	Казахстан	Алматы	Массовое убийство	14
23 мая 2014 г.	Таджикистан	Хорог	Вооруженное нападение	1
19 мая 2015 г.	Кыргызстан	Бишкек	Террорист самоубийца	1
4 сентября 2015 г.	Таджикистан	Душанбе	Вооруженное нападение	39
5 июня 2016 г.	Казахстан	Актобе	Вооруженное нападение	21
18 июля 2016 г.	Казахстан	Алматы	Вооруженное нападение	10
30 августа 2016 г.	Кыргызстан	Бишкек	Террорист самоубийца	1
29 июля 2018 г.	Таджикистан	Дангара	Нападение на машине	4

Все инциденты, указанные в таблице, приведенной выше, соответствуют критериям быть смертельными, инициированными негосударственными группами и отмечаются как терроризм. Несколько менее очевидные примеры терроризма. Они включают убийство в 2012 г. председателя управления государственного комитета Таджикистана по национальной безопасности в провинции Бадахшан генерала А. Назарова в июле 2012 г., который стал камнем преткновения вооруженного конфликта между правительством и бывшими оппозиционными командирами в Хорог¹; и убийство 12 человек в Или-Алатауском национальном парке в Казахстане в августе 2012 г., которое власти относят «экстремистской религиозной группе».

Терроризм в Центральной Азии связан с государственной предусмотрительностью. Работа государства помогла сохранить стабильность в регионе; правительства

Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, Узбекистана утверждают, что было сорвано около 61 случая террора в 2016 г. Но государственные репрессии также вызвали бурную реакцию со стороны некоторых представителей общественности. В Таджикистане насильственные инциденты в Хороге, Рапшской долине и Душанбе были совершены бывшими государственными должностными лицами. В рамках мирного соглашения, которое положило конец гражданской войне в стране, бывшие оппозиционные командиры были включены в штат и дали должности, что позволило им генерировать ренту от наркотиков, торговли людьми, патронажа и других видов деятельности [See Lawrence Markowitz 2013, Jesse Driscoll 2015: 5].

Правительство Э. Рахмона освободило этих командиров от их позиций в государстве. Заместитель министра обороны А. Назарзода, который возглавлял вооруженные нападения в Душанбе и Вахдате в сентябре 2015 г. бурно отреагировал на попытку правительства убрать его с должности. Террористические акты, произошедшие в Таджикистане лучше

¹ ГКНБ «Генерал Назаров убит контрабандистами», // URL: <https://rus.ozodi.org/a/24652589.html>

понять через эту локальную динамику авторитарной консолидации, чем через международный террористический рассказ, выдвинутый правительством. [John Heathershaw and Parviz Mullojonov 2018: 2].

Государственные наказания также, кажется, спровоцировали некоторые из насильственных инцидентов, которые произошли за пределами Таджикистана. Р. Куликбаев, который застрелил троих полицейских и гражданских лиц в Алматы в июле 2016 г. был, как сообщается, радикализирован во время отбывания наказания за грабеж. Он утверждал, что его атака была «актом мести» против сотрудников правоохранительных органов, которые пытали его и его «братьев».

Осужденный преступник Р. Махатов, взорвавший себя в штаб-квартире казахстанской службы безопасности в Актобе 17 мая 2011 г. также, по сообщениям, исполнял обязанности в знак протеста против правительственного ограничения религиозных законов и издевательств над заключенными. Нападения произошли в крупных городах региона, в Алматы, Бишкеке и Душанбе. Но большинство террористических актов произошли в районах, которые вдалеке от центра, таких как Актобе в Казахстане или Раштская долина в Таджикистане. Эти изолированные периферийные районы, такие как Ферганская долина Кыргызстана или богатый нефтью город Жанаозен, также имеют случаи этнического насилия.

Это те области, которые извлекли максимальную выгоду из экономического развития, и где обиды против местного самоуправления находятся на высоком уровне. [Смагулов 2011: 8]

В то время как жители Центральной Азии участвовали в транснациональных джихадистских движениях, большинство нападений, которые произошли в регионе с 2008 года имеют ограниченные ссылки на группы за пределами региона [Ионова 2015: 6]. В то время как ИДУ смогли координировать атаки со своих баз за пределами Узбекистана до 2004 г., способность внешних групп для проведения атак в регионе уменьшилась. Джунд аль-Халифа, группа казахских джихадистов,

которая базируется в Афганистане и которая взяла на себя ответственность за две атаки в Казахстане в 2011 г. были встречены со скептицизмом местных экспертов, многие из которых считают, что организация пыталась извлечь выгоду из атак, а не направлять их. Внешние группы смогли начать атаки в регионе. Службы безопасности Кыргызстана обвинили уйгурскую группу, Восточно-Туркестанское исламское движение, за заказ нападения на посольство Китая в сентябре 2016 г.¹ Молодые нападавшие в Таджикистане были вдохновлены ИГИЛ.

Другие атаки были проведены группами, вдохновленными джихадистской пропагандой, но без прямых приказов от конкретной группы. Осужденные преступники, которые провели июньское нападение в Актобе, в котором приняли участие 16 человек ограбили два оружейных магазина и напали на военную базу, были предположительно вдохновлены призывом к джихаду старшим членом ИГИЛа Абу Мухаммедом аль-Аднани. Теракты в Актобе в основном были спорадическими, недолговечными и дезорганизованными [Karin 2017: 1].

Мало кто из нападавших выдвигал конкретные требования или заявлял свои цели. А когда они были, к примеру, в случае нападения в Таджикистане, эти цели и требования были расплывчатыми и неконкретными.

С 2011 г. примерно 2000-4000 граждан Центральной Азии мигрировали в Сирию и Ирак и присоединились к группировкам боевиков там². Но снижение влияния ИГИЛ и Д. Фатех в Сирии и Ираке ставит вопросы о том, что будет с оставшимися среднеазиатскими боевиками, если эти группы потеряют всю свою территорию.

¹ Olga Dzyubenko, "Kyrgyzstan says Uighur Militant Groups Behind Attack on China's Embassy," Reuters, 6 September 2016, // URL: <https://www.reuters.com/article/us-kyrgyzstan-blast-china/kyrgyzstan-says-uighur-militant-groups-behind-attack-on-chinas-embassy-idUSKCN11C1DK>.

² Абдужалил Абдурасулов " Жители Центральной Азии прислушиваются к призывам ИГ // URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/06/1506_02_central_asia_militants_syria_isis

Бывшие бойцы сталкиваются с тремя вариантами развития событий. Они имеют возможность мигрировать в другую страну, переехать в другую зону конфликта террористической организации или возвращение домой. В то время как ряд аналитиков указали на опасность, исходящая от боевиков, возвращающихся в Центральную Азию, факты свидетельствуют о том, что массовое возвращение в Центральную Азию остается маловероятным. Для многих это было одностороннее путешествие в поисках приключений, мученичества или новой жизни. Многие бойцы мигрировали со своими семьями, что является еще один признаком постоянства их миграции. По крайней мере большая часть из тех, кто отправился на территорию Ближнего Востока были убиты.

Правительства Таджикистана и Казахстана внесли изменения в законодательство об отмене гражданства осужденных за участие в деятельности террористических организаций, дающих государству право запрещать возвращаться или депортировать их. Более 300 бывших бойцов из Таджикистана, Кыргызстан и Казахстан вернувшись либо предстали перед судом или быть амнистированы, как в случае Таджикистана, который внес поправки в уголовное законодательство в 2015 г. на этот счет.

Отправка радикализированных граждан воевать в Сирию и Ирак могут принести пользу режимам в регионе, помогая им, как пишет Ю. Ланг, «избежать проблемы исламского терроризма, передавая его за регион». Более 30 из тех, кто был амнистирован в Таджикистане вернулись на Ближний Восток.

Количество граждан, находящихся в тюрьме в Сирии и Ираке составляет от 1000 до 3000 боевиков из Центральная Азия на Ближнем Востоке. Вместо возвращения домой, бойцы чаще мигрируют в Европу в качестве беженцев. Афганистан с его географической и лингвистической близостью с Центральной Азией представляется логичным местом миграции бывших бойцов и новобранцев. В потенциальные направления для

новобранцев входит джамаат, связанный с «Аль-Каидой», Исламский Союз Джихада и Исламское движение Узбекистана, которые объявили верность Исламскому государству в 2015 г.

Центральная Азия разделяет речную границу протяженностью 2387 км с Афганистаном. Таджикистан и Туркменистан наиболее уязвимы для вторичных эффектов из Афганистана с длинными плохо защищенными границами. Большая граница вторжения и инциденты с применением насилия связаны и оцениваются в 2 миллиарда долларов опиума и героина, которые импортируются из Афганистана, в основном через Таджикистан. Но пока Талибан занимается торговлей наркотиками, она имеет ограниченный интерес в дестабилизации его северных соседей, вопреки тому, что многие официальные лица утверждают, что более частое явление было спорадическим побочным эффектом от боевых действий на севере Афганистана.

Количество вооруженных инцидентов, происходящих в восьми афганских провинциях, граничащих с Центральной Азией, увеличилась в последние годы, особенно с масштабированием операции НАТО с 2014 г.¹

В период с 2011 по 2013 год 38 вооруженных инцидентов произошло на таджикско-афганской границе. Бои между талибами и афганскими военными также достигают границы с Туркменистаном. В 2014 г., например, произошло два инцидента в ходе которых шесть туркменских пограничников были убиты боевиками "Талибана". Но эти инциденты остаются относительно редкими. С обещание иностранной помощи в безопасности и прибыльным потоком наркотиков, как специалист по безопасности, Д. Гаврилис заключает, что «близость к Афганистану для республик Центральной Азии больше неожиданность, нежели угроза».

Как утверждает эксперт по терроризму Б. Дженкинс, предсказывая, что террористическая угроза будет развиваться

¹ NATO Defence Ministers endorse concept for new post-2014 mission in Afghanistan// URL: www.nato.int 05.06.2013.

ближайшие годы чрезвычайно трудно. События, которые предсказывали аналитики, могут привести к росту терроризма.

События за пределами региона, такие как исламские провозглашения государством «халифата» в 2014 г. и война в Афганистане были важнее в повышении уровня набора "бойцов". Атака на велосипедистов в Таджикистане в августе 2018 года отклонились от модели атак в Центральной Азии при нацеливании западные туристы. Но, как и атаки в Казахстане в 2011 и 2016 гг. злоумышленники использовали относительно не очень хорошее планирование. Такие инциденты трудно предотвратить.

Террористические атаки отдельных лиц и групп, которые были вдохновлены экстремистской пропагандой или имеют личные обиды против местного режима

будут скорее всего, продолжать происходить спорадически.

Терроризм остается проблемой безопасности для Центральной Азии, к которой нужно подходить критически и которая должна серьезно восприниматься политиками. Но чем больше актуализируется проблема внутри региона, эффект усилий правительства по борьбе с экстремизмом и терроризмом все больше растет. Региональные правительства использовали призыв терроризма для усиления своей власти, ограничения гражданской свободы. Последние фокус-группы, которые ведутся Радио Свободная Европа с кыргызским, таджикским, и казахстанские участники указали на способы коррупции местных чиновников и репрессивные правоохранительные органы порождая обиды, которые разжигают экстремистские вербовки.

Библиографический список

- Erlan Karin*, "Central Asia: Facing Radical Islam," *Russie.Nei. Visions* 98 (February 2017): 22.
- John Heathershaw and Parviz Mullojonov*, "Rebels Without a Cause? Authoritarian Conflict Management in Tajikistan, 2008–2015," chapter 2 in *Tajikistan on the Move: Statebuilding and Societal Transformations*, ed. Marlene Laruelle (Lanham, MD: Lexington, 2018)
- Jozef Lang*, *The Radical Islamic Militants of Central Asia* (Warsaw: OSW, 2013)
- Martha Brill Olcott* "The War on Terrorism in Central Asia and the Cause of Democratic Reform", 2003
- See *Lawrence Markowitz*, *State Erosion: Unlootable Resources and Unruly Elites in Central Asia* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2013); *Jesse Driscoll*, *Warlords and Coalition Politics in Post-Soviet States* (Cambridge: Cambridge University Press, 2015)
- Ионова Е.* "Об угрозе терроризма в Центральной Азии" // *Россия и новые государства Евразии*. 2015. № 4. С. 60-71
- Ланцов С.* (2004). *Террор и террористы*. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета.
- Смагулов К.* *Современная религиозная ситуация в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ*. 2011. Том 14. Выпуск 3.

Сведения об авторе: Касенова Аина Саматовна – магистрант кафедры ТИМО РУДН (e-mail: kassenova@bk.ru).

References

- Ионова Е* "Ob ugroze terrorizma v Centralnoj Azii" // *Rossiya i noviye gosudarstva Evrazii*. 2015. № 4. S. 60-71
- Lancov S.* (2004). *Terror i terroristi*. Sankt-Peterburg: Izdatelskii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Smagulov K.* *Sovremennaya religioznaya situaciya v Kazakhstane // Centralnaya Aziya i Kavkaz*. 2011. Tom 14. Vipusk 3.

About the author: Aina Kassenova Samatovna - master's degree student of the department of theory and history of international relations of the Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: kassenova@bk.ru).

ПРОБА ПЕРА

ТЮРКСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ МЯГКОЙ СИЛЫ ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

З. Саримсоков

Российский университет дружбы народов

Аннотация. В этом году Партия Справедливости и Развития (ПСР) во главе со своим несменяем лидером – Реджепом Эрдоганом празднует своеобразный юбилей – 18 лет у руля Турции. Период правления ПСР в Турции ознаменуется ростом экономического благосостояния и увеличением мощи армии и военно-промышленного комплекса Турции. Также стоит особо подчеркнуть активизацию турецкой внешней политики, которая была направлена на укрепление позиций страны не только в региональном масштабе, но и во всем мире. Особенно в результате бурного роста экономики в 2003-2008 годах Турция начала выходить за рамки своей традиционной внешней политики и были предприняты попытки стать активным игроком “шахматной доски” не только в регионе, но и во всем мире. Данный подъем поспособствовал укреплению армии, что в свою очередь повлияло на роль Турции в регионе. При ПСР Турция стала одним из ключевых акторов на Ближнем Востоке. Но не стоит забывать и об отношениях Турции с другими странами, в частности со странами так называемого “тюркского мира”, куда можно отнести и все страны Центральной Азии, кроме Таджикистана. ПСР не только укрепила позиции Турции в ближневосточном регионе, но и превратила ее в ролевую модель для стран Центральной Азии. Факт существования лозунгов про “тюркское братство” и сближение (сплочение) родственных народов, которые особенно громко слышны в Казахстане и Киргизии, особенно подчеркивает рост влияния Турции в данном регионе. Также такие лозунги говорят о том, что фактор родственных связей и общих корней “тюркского мира” превратился в очень эффективный инструмент “мягкой силы” Турции в отношениях со странами Центральной Азии.

Ключевые слова: власть, внешняя политика, тюркский мир, экономика, мягкая сила.

TURKISH FACTOR IN TURKISH SOFT POWER POLICY IN RELATIONS WITH THE CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Z. Sarimsokov

RUDN University

Abstract. This year, the Justice and Development Party (AKP), led by its irreplaceable leader, Recep Erdogan, is celebrating a kind of anniversary - 18 years at the helm of Turkey. The period of AKP rule in Turkey will be marked by an increase in economic prosperity and an increase in the power of the Turkish army and military-industrial complex. It is also worth emphasizing the intensification of Turkish foreign policy, which was aimed at strengthening the country's position not only on a regional scale, but throughout the world. Especially as a result of the rapid economic growth in 2003-2008, Turkey began to move beyond its traditional foreign policy and attempts were made to become an active player on the “chessboard” not only in the region, but throughout the world. This rise contributed to the strengthening of the army, which in turn influenced the role of Turkey in the region. Under the AKP, Turkey has become one of the key actors in the Middle East. But one should not forget about Turkey's relations with other countries, with the countries of the so-called “Turkic world”, which can include all the countries of Central Asia, except Tajikistan. The AKP not only strengthened Turkey's position in the Middle East, but also turned it into a role model for Central Asian countries. The fact of the existence of slogans about “Turkic brotherhood” and rapprochement (rallying) of kindred peoples, which are especially loudly heard in Kazakhstan and Kyrgyzstan, especially emphasizes the growing influence of Turkey in this region. Also, such slogans indicate that the factor of common roots of the “Turkic world” has become a very effective instrument of Turkey's “soft power” in relations with the countries of Central Asia.

Key words: power, foreign policy, Turkic world, economy, actor.

Распад Советского Союза и конец холодной войны стал для Турции, которая была частью Западного блока, моментом возможностей для ведения более активной внешней политики. Проще говоря, завершение биполярного мироустройства открыла широкие возможности для Турции, которая с политической и экономической точки зрения является страной среднего звена, но с историко-культурной точки зрения, является одной из самых передовых стран. Именно в это время Центральная Азия стала регионом, который привлек внимание турецких политиков и специалистов, которые в свою очередь решили воспользоваться историческим моментом для распространения влияния Турции за пределы Ближнего Востока [Ахмет Давутоглу, 2009]. Тогдашнее руководство страны в лице Президента Т. Озала и Премьер-министра С. Демирела, решили воспользоваться тем, что у новоиспеченных независимых государств общие корни с Турцией и это дает возможность сближению данных стран с ней. Именно поэтому Турция оказалась среди тех стран, которые первыми признали независимость республик. Озал и Демирель акцентировали свое внимание на концепции Тюркского мира, который, по их мнению, распространился с Адриатического моря до Великой Китайской стены, и конечно же, охватывал независимые республики Центральной Азии. Они восприняли независимость тюркских республик Центральной Азии как шанс для объединения, который дается раз в несколько столетий [Мустафа Дурмуш, 2012]. Турция была одной из первых стран, которые признали независимость среднеазиатских республик и данный факт вынудил турецкое руководство дать обещания, которые с экономической точки зрения поставили страну в трудное положение. В этот период Турция выделила кредиты в Eximbank для стран Центральной Азии, которые переживали экономические трудности и искали свое политическое направление. Кроме того, турецкая сторона запустила прямое авиасообщение через Turk Nava Yolları и инвестировала в разные сферы экономики стран региона. Также Турция

оказала политическую поддержку этим странам в процессе их становления, в частности поддержала членство новых республик в международных организациях, таких как ООН, ОБСЕ и ОИК. Также были организованы встречи высших руководителей тюркоязычных стран, начали свою деятельность такие межгосударственные организации, как Совет тюркоязычных стран и Международная организация тюркской культуры и искусства (TURKSOY). В этот период турецкое руководство решило укрепить связи со странами Центральной Азии путем организации частых встреч на высшем уровне, а также на уровне руководителей различных ведомств. Данные процессы сопровождались тем, что новые политические элиты новых республик, не имевшие опыт в построении суверенного государства, были в поиске пути развития и в основном смотрели в сторону Запада и США, которые проповедовали либеральный путь развития и секулярную систему управления государством. Именно поэтому Турция стала восприниматься как модель (пример для подражания), так как имела опыт построения развитого, секулярного государства, не отказываясь от своей религиозной идентичности [Nakan Gunes, 2012]. Можно сказать, что данная ситуация стала причиной того, что в девяностые годы внешняя политика Турции и политика Запада в Центральной Азии развивались параллельно друг от друга. Но во второй половине девяностых годов Турции пришлось немного сбавить темпы своего присутствия в регионе, так как переживала трудности во внутренней политике, связанные с чередой коалиционных правительств и экономическими трудностями. Также именно в этот период в Центральной Азии появились такие игроки, как Иран и Россия, особенно Россия стала играть активную роль в регионе, что было результатом пересмотра внешнеполитических приоритетов со стороны Евгения Максимовича Примакова. Естественно также стоит отметить трудности социально-экономического и общественно-политического характера, которые

переживали страны Центральной Азии, например, в Таджикистане шла гражданская война, которая полностью уничтожила экономику страны.

1990-е гг. между этими государствами и Турцией стали действительно плодотворными, так как в эти годы был положен фундамент дипломатических отношений, стали развиваться двусторонние связи в таких важных областях публичной дипломатии, как культура и образование. Турция была первой страной, которая признала независимость этих стран дипломатически. Тысячи среднеазиатского происхождения с крупными учебными проектами в области образования студентов были размещены в университетах Турции. В культурном плане было запущено много различных проектов, которые способствовали усилению позиций Турции в регионе среди местного населения. Но стоит отметить, что экономический кризис, который страна пережила в 2001 г., слабые коалиционные правительства, продолжающаяся насильственная и террористическая деятельность в стране и усилия по вступлению в Европейский Союз (ЕС) перехватили внимание и энергию Турции от Центральной Азии. Данная ситуация начала меняться с победой Партии справедливости и развития (AK Parti) во главе с Реджепом Эрдоганом на выборах в ноябре 2002 г. Но внешняя политика Турции в отношении региона Центральной Азии радикально изменилась после второго правительства Партии Демократической партии после 2007 года.

Разрабатывая подход, который мог бы придать большее значение диверсификации внешнеполитических предпочтений в период ее правления, ПСР начала концентрироваться на сотрудничестве с регионами за пределами Запада. Ранее, индивидуальные усилия Тургута Озала и Сулеймана Демиреля, а также внешнеполитические шаги, которые были направлены в сторону стран Центральной Азии, стали институциональными и непрерывными в период правления ПСР. Сюда можно включить усилия Реджепа Эрдогана в качестве премьер-министра и президента, Абдуллы Гюля в качестве

премьер-министра, министра иностранных дел и президента, а также Ахмета Давутоглу, который был одним из инициаторов активизации Турции в Центральной Азии в качестве министра иностранных дел и премьер-министра. Конечно, основная преювентивность здесь заключается в том, что партия Справедливости и Развития непрерывно находится у власти с 2002 г. [Ahmet Davutoglu, 2013]. В отношении между Турцией и центрально-азиатскими государствами началась новая эра именно после прихода к власти ПСР. Здесь можно упомянуть две основные причины начала новой эры во внешней политике Турции вообще, и в отношении с Центральной Азией, в частности:

- Во-первых, на непрерывное правление одной партии в течении долгих лет вместо правительства, возглавляемого слабой коалицией. Потому что иметь сильную лидирующую партию намного лучше для выполнения решений, необходимых в парламенте;

- Во-вторых, стабильная и растущая экономика после кризиса 2001 года, что тоже является заслугой партии Эрдогана.

Тем не менее, присутствие Ахмета Недждета Сезера, который не симпатизировал правительству партии ПСР в период своего президентства, и который имел большой авторитет в государственном аппарате в ранние годы, немножко усложнило единоличное правление ПСР. Таким образом, его президентство на время помешало осуществлению желаемой политики. Тем не менее премьер-министр Эрдоган и министр иностранных дел Гюль придавали большое значение отношениям с государствами Центральной Азии. Но стоит отметить, что в отношении со странами региона фактические изменения произошли после 2007 г.. Выборы Абдуллы Гюля в качестве президента вместо Ахмета Недждета Сезера, и тот факт, что Гюль и премьер-министр Эрдоган проявили интерес к региону, привели к увеличению количества визитов высокого уровня в Центральную Азию. Кроме того, экономический кризис остался позади, растущая экономика Турции нуждалась в новых рынках сбыта и источниках энергии, что сыграло важную

роль в развитии турецкой политики в Центральной Азии. Эта политика Турции в регионе основывалась на более рациональном, экономическом и культурном весе, на развитии отношений через двусторонние и региональные институты в рамках общих интересов, в основном с тюркоязычными странами региона. Развитие этой политики во многом связано с пересмотром роли Турции в постбиполярном мире и новой внешнеполитической концепцией ПСР, которая впоследствии была названа нео-османизмом. Основой этой концепции была работа А. Давутоглу под названием «Стратегическая глубина» [Марвина, 2014]. Вот почему для некоторых экспертов Давутоглу известен как один из отцов-основателей нео-османской идеологии во внешней политике.

Отношения между Турцией и государствами Центральной Азии, установленные в период Партии Справедливости и Развития, могут быть разделены в зависимости от уровня интенсивности выстраивания отношений с ними. Например, Турция установила тесные отношения с Казахстаном, Кыргызстаном и Туркменистаном, поэтому эти государства могут быть включены в первую группу. Двусторонние отношения Турции с Казахстаном и Кыргызстаном были отождествлены с концепцией стратегического партнерства. Был создан «Совет стратегического сотрудничества высокого уровня», где регулярно организуются встречи на высшем уровне с президентами и премьер-министрами или даже министрами¹. С Туркменистаном были установлены очень тесные отношения как в политическом, так и в экономическом плане. Только с Узбекистаном эти отношения стали развиваться не так интенсивно, как с другими государствами региона, поэтому эту страну можно отнести к отдельной группе. Стоит отметить, что после смерти первого президента Узбекистана Ислама Каримова в

сентябре 2016 г., участвовали визиты турецких и узбекских чиновников разных уровней, что стало поводом для разговоров о второй попытке Турции заманить Узбекистан в свою сторону².

В институциональном плане 30 октября 1992 г. усилиями Т. Озала и С. Демиреля и при участии Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана в Стамбуле состоялся Саммит тюркоязычных государств и продолжались такие мероприятия до 2006 г. с перерывами и ограниченным участием. Также был подписан Нахичеванский договор с участием всех тюркских государств, кроме Узбекистана, на саммите, состоявшемся в Нахичеване 2-3 октября 2009 г. Во время этого саммита высшего уровня была создана институциональная структура, которую назвали Советом тюркоязычных стран (или Тюркский совет или турок Кенеси) [Darhan Kidirali, 2013]. Кроме того, был создан постоянный секретариат в городе Стамбуле, Тюркская академия в Астане и в Баку организована парламентская ассамблея тюркских стран (TURKPA). Совет по культуре и искусству тюркских стран (TURKSOY), который ранее занимался культурной деятельностью, также был прикреплен к этому Совету [Firat Purtaş, 2013].

Страны Центральной Азии получили поддержку Турции в международных и региональных организациях в 1990-х гг. Более того, при поддержке Турции Казахстан стал председателем ОБСЕ в 2010 г. и стал членом Совета Безопасности ООН в 2016 г. В свою очередь, Турция получила статус «партнера по диалогу» ШОС при поддержке Центрально-Азиатских государств во время Саммита, который состоялся в Пекине в 2012 г. Также в 2017 г. председательство в Энергетическом клубе ШОС перешло в сторону Турции, что было очень символическим шагом³. В этом смысле, несмотря на проблемы с западными

¹ “*Relations with Central Asian states*”, Министерство иностранных дел Турецкой Республики. Доступ: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-orta-asya-ulkeleri-iliskileri.tr.mfa>

² Подробнее см. Игорь Панкратенко, “*Турецкий марш*” в Центральной Азии: вторая попытка”, Новая

Газета, 30.09.2018. Доступ: http://www.ng.ru/dipkurer/2018-09-30/11_7321_turk.html

³ Подробнее см. “*Shanghai Cooperation Organization*”, Министерство иностранных дел Турецкой

государствами, возглавляемыми США, попытки Турции интенсифицировать свои отношения с ШОС, возглавляемой Китаем и Россией, выглядело как серьезный политический выбор в пользу последних. Помимо сотрудничества Турции с ШОС, ее попытки членства страны в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) было предпринято первым президентом Казахстана Н. Назарбаевым, что очень примечательно. Потому что некоторые исследователи и эксперты с турецкой стороны были уверены, что тюркские государства Центральной Азии ожидают членства Турции в таких организациях, как ШОС и ЕАЭС, чтобы уменьшить так называемое давление со стороны Китая и России. Такой подход хорошо согласуется с целями и намерениями Турции в регионе. Но эксперты в Китае и России выразили мнение, что интерес Турции к этим региональным институтам носит временный и тактический характер, и причиной подобных мыслей является политический и военный союз Турции с западным миром, что заключается в ее членстве в НАТО. В то же время Турция поощряла участие государств Центральной Азии в Организации экономического сотрудничества и Организации исламского сотрудничества (ОИС). Наконец, 14-16 апреля 2016 г. на саммите ОИС в Стамбуле президент Эрдоган имел прекрасную возможность встретиться с лидерами стран Центральной Азии⁴. Во время их встречи с первым президентом Казахстана Назарбаевым он заявил, что они согласились на создание «духа исламской солидарности» и ожидают активного участия ОИК в мирном урегулировании существующих проблем [Tamer Kasıkcı, 2015]. Вновь придавал импульс отношениям между Турцией и Узбекистаном, проведенный Совет министров иностранных дел ОИС в Узбекистане 18-19 октября 2016 г. Министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу

встретился со своим узбекским коллегой и обсудил развитие двусторонних отношений после смерти Ислама Каримова⁵. Таким образом, Турция пытается расширить свой диалог и сотрудничество со странами Центральной Азии через международные и региональные институты.

Турция как член G20 имеет одну из самых больших и динамично развивающихся экономик в мире, поэтому эта особенность привлекает внимание стран региона. Благодаря открытым, конкурентоспособным и инвестиционным характеристикам турецкие бизнесмены создали малые и средние предприятия в большинстве стран региона. Экономическое сотрудничество в целом несопоставимо с экономическим влиянием Китая, России и других стран, это касается как общего объема турецких инвестиций, так и финансовой помощи в виде грантов, займов и различной технической поддержки, которые выделяются странам Центральной Азии. За исключением Узбекистана, во всех странах региона только малый и средний турецкий бизнес занимает видное место⁶. Согласно данным TURKSTAT за 2016 год, внешняя торговля со странами региона достигла 5,4 миллиарда долларов, а стоимость инвестиций турецких бизнесменов в эти страны достигла 3,5 миллиарда долларов. Помимо этого, Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА), которое предоставляет помощь в целях развития странам региона, особенно в секторах образования и здравоохранения и в удовлетворении насущных потребностей, внесло значительный вклад в процессе уменьшения проблем, с которыми сталкиваются эти страны в переходный период своего становления. Несмотря на развитие экономических отношений, согласно данным TURKSTAT, ни одна из стран Центральной Азии не входит в число 20 ведущих стран, в которых Турция

Республики. Доступ: <http://www.mfa.gov.tr/sanghay-isbirligi-orgutu.tr.mfa>

⁴ Подробнее см. В Стамбуле открывается саммит Организации исламского сотрудничества. Доступ: <https://ria.ru/20160414/1410353595.html>

⁵ Подробнее см. В МИД министры Узбекистана и Турции обсудили проблемы региона. Доступ:

<https://uz.sputniknews.ru/politics/20161018/3922513.html>

⁶ Подробнее см. Александр Князев. Турция в Центральной Азии. Центр Льва Гумилева, 05.10.2016. <http://af.gumilev-center.ru/archives/2779>

осуществляет внешнюю торговлю. Хотя цели в области внешней торговли велики, до желаемого прогресса в их достижении не еще далеко.

Страны Центральной Азии в системе координат турецкой внешней политики в области образования и культуры занимают важное место. Потому что образование и культура являются наиболее важными инструментами турецкой мягкой силы, которая активно продвигается. Большой контингент с тысячами студентов приехали учиться в Турцию и данное число продолжает расти. Этот проект является продолжением обширной стипендиальной программы в Турции под названием «Стипендии премьер-министра» и «Родственные общины» осуществляются под председательством турецких властей. В Казахстане и Киргизии ведут активную деятельность множество образовательных учреждений с турецким участием, например, казахско-турецкий Университет им. Йесеви или Международный киргизско-турецкий Университет Ала-Тоо. Помимо этих учебных заведений, существуют школы Министерства народного образования, факультеты, школы и учебные центры Фонда Диянет. Кроме того, турецкий язык преподается через институты Юнус Эмре и центры изучения турецкого языка ТОМЕР. Помимо культурных мероприятий, турецкие сериалы вызывают большой интерес жителей региона. Интерес и актуальность турецких сериалов начинается с 1990-х гг. и достигли своего пика с выходом сериала «Великолепный век». Помимо этого, были организованы различные мероприятия, чтобы сохранить память о таких духовных деятелях, как Ходжа Ахмет Йесеви, одна из общих ценностей и лидеров турецкого мира. Учитывая согласованный запрос всего тюркского мира, ЮНЕСКО провозгласила 2016 год «Годом Ходжа Ахмета Йесеви», и в рамках этого года были проведены различные мероприятия, которые положительно повлияли на развитие двусторонних и многосторонних отношений

между тюркскими странами.

Попытка переворота 15 июля 2016 г., оказала большое влияние на двусторонние отношения между Турцией и странами Центральной Азии. Поддержка, оказанная первым президентом Казахстана Назарбаевым официальным властям и президенту Эрдогану, повысила его уважение, и «Лидер тюркского мира» показал, что он заслуживает своего титула. Правительство Казахстана решило депортировать всех учителей турецких школ, так или иначе связанных с движением Хизмет, лидер которого известный проповедник Ф. Гюлен обвиняется в организации попытки переворота, и взяло под строгий контроль все их образовательные организации⁷. Неожиданная реакция пришла от президента Кыргызстана А. Атамбаева. Он воспринял требования турецкого правительства, касающиеся закрытия школ, как вмешательство во внутренние дела Кыргызстана и это вызвало охлаждение отношений между двумя странами⁸. Высокопоставленные визиты после попытки переворота были совершены спикером парламента Кыргызстана Ч. Турсунбековым и премьер-министром периода С. Жеенбековым, который был избран президентом Кыргызстана 24 ноября 2017 г. В случае поддержки или не поддержки правительства Турции после попытки переворота, Туркменистан решил выбрать путь казахстанских чиновников и закрыл все образовательные организации Хизмета внутри страны. Исходя из этого можно констатировать, что отношение стран Центральной Азии к движению Хизмет превратилось в своего рода латмусовую бумагу, которая показывает, как власти той или иной страны относятся к официальным властям Турции и проводимой ими политике. Отношения Турции со странами Центральной Азии во время правления ПСР придерживались определенных рациональных линий. На это повлияло приведение ожиданий к более

⁷ Подробнее см. Прощание с учителями, которых обещали «не выдавать Турции». Доступ: <https://rus.azattyq.org/a/vynuzhdenniy-otyezd-prepotavateley-iz-turcii/28770719.html>

⁸ Подробнее см. Человек тюркского раздора. Доступ: <https://www.svoboda.org/a/27888349.html>

реалистичному уровню и признание того, что отношения с этими странами также зависят от политики влиятельных игроков в регионе, в частности России и Китая. В отношениях с Казахстаном и Туркменистаном у Турции позитивная атмосфера. Ожидается, что переговоры на высоком уровне с Узбекистаном, участвовавшие в последние годы, дадут положительные результаты. Первые результаты можно наблюдать уже сейчас, когда творческая элита двух стран начала тесное сотрудничество в разработке некоторых проектов исторической важности,

также турецкие инвесторы постепенно тянутся в Узбекистан, что является результатом политики президента Мирзиёева. Центральная Азия - самый короткий и безопасный путь для Турции, чтобы достичь до Азиатско-Тихоокеанского региона, который становится новым центром силы в новом Мировом порядке. По этой причине Турция старается развивать свои двусторонние и многосторонние отношения со всеми странами центрально-азиатского региона, особенно с тюркскими государствами в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

Давутоглу А. Эволюция Центральной Азии, внутриазиатский баланс и Турция, *Yeni Tukiye*, Том 3, №15, стр.913-919.

Дурмуш М., Йылмаз Х. Внешняя политика Турции в Центральной Азии и ее действия за последние 20 лет, *Bağımsızlıklarının Yirminci Yılında Orta Asya Cumhuriyetleri: Turk Dilli Halklar-Turkiye ile İlişkileri*. Культурный центр Ататюрк, Анкара: 2012г. стр. 487-488.

Маврина Ю.В. Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу. Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 1.

Об авторе: Саримсоков Захиджон – Магистр в области международных отношений РУДН (e-mail: zohidjon990@gmail.com).

References

Davutoglu A. Republics since Independence: Towards a common future, SAM Vision Papers, Январь 2013.

Kidirali D. Turkish Council, The Turkish states and Societies Annual 2013.

Purtas F. International Organization of Turkish Culture, The Turkish states and Societies Annual 2013.

Gunes H. Turkey-Central Asian Relation”, Analysis of Turkish foreign policy in XXI century, 2012.

Tamer K. Turkey’s Central Asia and Pakistan policy”, Turkish Foreign Policy Annual 2016.

About the author: Sarimsokov Zakhidjon - Master in International Relations of RUDN University (e-mail: zohidjon990@gmail.com).

РЕЦЕНЗИИ

Т. Оболевич. Семён Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020. 304 с.

Л.В. Савин

Международное общественное движение «Евразийское движение», Москва, Россия

Аннотация. В материале рассматривается краткое содержание книги, посвященной деятельности русских философов в европейской эмиграции и их связям с одной из организаций русского зарубежья — евразийским движением.

Ключевые слова: евразийство, русское зарубежье, Семен Франк, Лев Карсавин, философия.

T. Obolevich. Semen Frank, Lev Karsavin and eurasianists. Moscow: Modest Kolerov, 2020. 304 p.

L.V. Savin

International Public Movement "Eurasian Movement", Moscow, Russia

Abstract. Activities of Russian Russian philosophers in European emigration and their relations with one of the organizations of the Russian Diaspora — the Eurasian movement - are considered in the article.

Keywords: Eurasianism, Russians abroad, Semen Frank, Lev Kasavin, philosophy.

Евразийство представляло собой довольно влиятельное движение в среде русских мигрантов. Хотя во второй половине 30-х гг. прошлого века оно превратилось в небольшую группу под руководством одного лидера — П.Н. Савицкого, в 20-х гг. деятельность евразийцев была довольно активной. Ее заметили как в европейских странах, так и в СССР, следствием чего стал проект ГПУ «Трест», направленный, в том числе, на дискредитацию евразийства. Если ядро движения всегда составляла небольшая группа менее 10 человек, то последователей насчитывалось тысячи в странах центральной и западной Европы, Китае, Латинской Америке и США. Евразийцы издавали газеты, журналы и книги, которые распространялись в русском зарубежье и даже нелегально ввозились в СССР.

Так или иначе, представители русских интеллектуальных кругов за рубежом, вынуждены были считаться с евразийством. Некоторые с интересом воспринимали эти идеи, другие критиковали (основным оппонентом был П.Б. Струве) и даже пытались осудить за те или иные положения их программы. Ряд известных мыслителей временно сотрудничали с евразийцами,

находя определенную нишу для творческой самореализации.

Одному из таких аспектов посвящена книга Терезы Оболевич "Семён Франк, Лев Карсавин и евразийцы".

В историографии, собственно, евразийства, Франк, несмотря на его философские заслуги, не обозначен как член движения. Тогда как таких авторов как Яков Бромберг и Эреджен Хара Даван, несмотря на наличие меньшего количества работ, всегда относят к классическому евразийству. Это вполне закономерно. Сам Франк указывал, что "ничуть не разделяя по существу учения евразийцев, отнёсся к нему с интересом как к единственному в эмиграции проявлению свежей и оригинальной общественной мысли" (С. 4.).

Но и у евразийцев был свой интерес к таким авторам как Франк. Как верно отмечает автор книги, евразийцы настороженно относились к вовлечению в свое движение новых людей. Таким исключением не был и Л.С. Франк, и даже Л.П. Карсавин, которого привлек П.П. Сувчинский (изначально Н.С. Трубецкой был против сотрудничества с Карсавиным).¹

¹ Нужно отметить, что Сувчинского и Карсавина связали родственные взаимоотношения -

А поскольку Карсавин и Франк дружили еще до революции и состояли в Братстве Святой Софии вместе с Бердяевым и многими другими, высланными из России в 1922 г., вполне логично, что евразийцы увязывали эти контакты и анализировали с позиции собственной программы и идеологической платформы.

Так или иначе, в 1923 г. приток «свежей крови» с философского парохода в русское зарубежье не мог пройти мимо евразийцев. Проходили встречи, велась переписка и проходили обсуждения о различных идеях и проектах.

Не без интриг и проявления недоверия друг к другу на первом этапе, все же Карсавин на некоторое время занял определенную нишу в евразийстве, тогда как и Франк стал автором, взгляды которого не противоречили евразийскому мировоззрению. По крайней мере, так отзывался П.П. Савицкий о статьях Франка в 1926 г.

Хотя один из лидеров евразийства Н.С. Трубецкой был более скептичен, при этом делая сравнение между Франком и Карсавиным, указывая в письме от 19 октября 1925 г., что «Франк всё-таки «бывший человек», человек прошлого, тогда как Карсавин — человек современный. Карсавин может идти с нами до конца, тогда как Франк может пройти с нами только несколько шагов. Франк всё-таки гордится и рисуется своим прошлым, чего совершенно нет у Карсавина. Карсавин делает на нас серьёзную ставку, мы ему необходимы, и он за нас будет крепко держаться. Франку же мы не нужны, он самоуверен и связью с нами особенно не дорожит» (С. 27.).

Однако, во второй половине 20-х гг. налицо активное взаимодействие. Евразийское книгоиздательство выпустило работы Франка: "Основы марксизма" и "Религия и наука" (обе в 1926 г.). В том же 1926 г. с Франком также обсуждалось написание очередной работы по теме психологии. "В конечном итоге, в 1927 г. Франк написал работу «О природе душевной жизни», о чём Савицкий сообщал Сувчинскому в феврале 1928 г." (С. 35.).

Сувчинский с 1933 г. был женат на одной из дочерей Карсавина Марианне.

Однако она не вышла как планировалось, и была опубликована только в 1972 г. Вероятно, причиной были назревавшие разногласия между Парижской и Пражской организациями евразийцев, что привело к кламарскому расколу в 1929 г.

В сборнике «Евразийский Временник» в 1927 г. вышла статья Франка «Собственность и социализм», которая стала причиной очередной дискуссии с П.Б. Струве. В своем письме Струве Франк утверждал: "Я, конечно, не «евразиец» и никогда им не буду и потому никогда не «впрягусь» в евразийскую колесницу. Я очень хорошо сознаю и идейную, и моральную легковесность этого направления, элемент мальчишества в нём и уже из уважения к своему возрасту не могу солидаризироваться с ним. Но вместе с тем значительность затронутых ими тем и доля истины, содержащаяся в их крикливых утверждениях, для меня бесспорна, и ощущения зазорности простого соприкосновения с ними у меня нет. Я дал им свою статью примерно на том же основании, на котором я, будучи противником кантианства, печатаюсь в немецких кантианских журналах..." (С. 40). При этом Франку не нравилась критика его позиции со стороны Струве, что он считал страхом перед всякой свободной мыслью.

Оболевич утверждает, что это было "выражением его независимого духа, не боящегося критики и осуждений со стороны «иначе мыслящих»" (С. 40). Однако не является ли такой подход признаком прагматизма? Следует отметить, что евразийцы привлекали Франка к чтению лекций, за что платили гонорары. Об этом факте указывал в своих письмах жене. Далее Оболевич сама указывает на эту мотивацию, цитируя статью М. Колерова, где он отмечает "эпизодичность и сугубо материальный характер сотрудничества Франка с евразийцами" (С. 42).

Одна из глав книги посвящена взаимоотношениям Карсавина и Франка — их проживанию в Берлине, взаимной поддержке в бытовых и рутинных проблемах, так и интеллектуальных усилий. Оба философа принимали участие в Русской религиозно-философской академии, на

различных мероприятиях в Германии и Франции оба выступали в качестве докладчиков. И даже после переезда Карсавина в Литву, весной 1928 г. к нему приезжал Франк и выступал там с лекциями.

В четвертой главе дается попытка анализа философского творчества двух авторов, с выявлением сходства их мышления. «Оба философа... развивали апофатическую традицию и были последователями Николая Кузанского» (С. 100). Оболевич пишет, что "Концепцию Карсавина, как, впрочем, и Франка, точнее было бы описать как панентеизм. Согласно ней проблема Богопознания определяется диалектикой отношения между Абсолютом и человеком: Абсолют проявляется в тварном мире, который есть его теофания" (С. 102). И что "Франк и Карсавин стремились найти «третий путь» между рационализмом и агностицизмом, который был указан Николаем Кузанским в форме

«учёного незнания»" (С. 104). Однако "Карсавин в большей степени, чем Франк подчёркивал аспект божественной имманенции, присутствия Бога в мире. По этой причине он считал, что Франк не совсем верно понял Кузанца, особенно его принцип совпадения противоположностей" (С. 109).

В целом работа Оболевич показывает изнутри сложную и порой противоречивую жизнь русских мигрантов, на основе переписки демонстрирует некоторые аспекты организационной работы внутри евразийства, а также жизненный путь основных героев — Франка и Карсавина.

В качестве приложения дается переписка Франка с Сувчинским, Франка с Карсавиным, некоторые письма руководства евразийского движения, а также текст перевода Франка первой элегии из Дуино Райнера Мариа Рильке.

Библиографический список

Оболевич Т. Семён Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020. 304 с.

Сведения об авторе: Савин Леонид Владимирович — руководитель администрации Международного общественного движения «Евразийское движение», главный редактор информационно-аналитического издания Геополитика (e-mail: lsavin@mail.ru).

References

Obolevich T. Semen Frank, Lev Karsavin and eurasianists. Moscow: Modest Kolerov, 2020.

About the author: Savin Leonid V. - head of the administration of the International Social Movement "Eurasian Movement", chief editor of the Geopolitica.ru (e-mail: lsavin@mail.ru).